

Не будьте Гаурдака

Каждый наследник
желает знать

7

Светлана Багдерина

Не будите Гаурдака

Светлана Багдерина
**Каждый Наследник
желает знать...**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Багдерина С.

Каждый Наследник желает знать... / С. Багдерина —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Не будите
Гаурдака)

Что для антигаурдаковской коалиции может быть хуже коварных врагов, туманных тварей, распоясавшихся стихий, безжалостных ренегатов и внезапных войн вместе взятых? Правильно. Обнаружить, что пятый Наследнический род прервался – абсолютно и безнадежно. Добавим к этому безжалостную войну, распоясавшихся ренегатов, внезапные стихии, коварных тварей и врагов в тумане, объединим их в едином порыве против Наследников – и будущее Белого Света станет выглядеть совсем безысходным. Но остается единственная надежда – на полупьяного менестреля, королевского голубя и совесть узурпатора.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Светлана Багдерина

Каждый Наследник желает знать...

– ...А я тебе говорю, Вань, наплюй ты на этого Дуба! Объяснять ему еще что-то будешь! В охапку его – и к Адалету! – сердито выговаривала Серафима.

Повторение в семь утра в десятый раз одной и той же мысли, хоть и в разных вариациях, долготерпению лукоморской царевны не способствовало.

– Нечего было ему выпендриваться: позволил бы людям со своим демоном парой слов перемолвиться, и все бы в порядке было! – убежденно внушала она супругу то, что уже поняли и с чем согласились не по разу все остальные пассажиры Масдая. – Подумаешь, коммерческая тайна! Про которую полкоролевства знало!..

Но у Иванушки, как ей было прекрасно известно, не было ни единого шанса попасть в категорию «все остальные» хоть когда-либо. То, что было элементарно и понятно для этих остальных, для ее мужа представляло непреодолимый барьер. И непреодолимый не в последнюю очередь потому, что преодолевать его он не мог и не хотел: скорее их ковер-самолет пожелал бы научиться плавать, чем Иван – обманывать, хитрить и изворачиваться.¹

Вот и сейчас он оторвался от созерцания однообразного пейзажа предгорий, упрямо помотал головой в ответ на царевнины слова и насутился, в который раз вспоминая историю, произошедшую с ним и Агафоном прошлой осенью.

Тогда в поисках похищенной Змеем Серафимы они оказались в Атланде, которой правил Дуб Третий. Когда розыски окончательно зашли в тупик, местные надоумили, что единственный, кто сможет им помочь – ясновидящий горный демон, пленник короля. Дуб же, блюдя государственную тайну, которая тайной ни для кого давно уже не была, вместо того, чтобы выполнить просьбу гостей, бросил их в тюрьму. Правда, они бежали в тот же вечер, прихватив заодно демона, а с ним родственника короля – жуликоватого первого советника Тиса и еще с десятков попутчиков, но это вряд ли добавило им популярности в глазах сурового монарха атланов.

Которого и предстояло им сейчас забрать как наследника одного из Пяти родов Выживших.

И теперь Иван из соображений дипломатии, приличий и политкорректности сочинял объяснительно-извинительную речь, которая сочиняться у него решительно отказывалась по той простой причине, что виноватым себя царевич не чувствовал.

– Нет, Сень, – вздохнул и произнес он, наконец. – Если бы я при нем увидел, в каких условиях он дедушку Туалатина держит, ничего в порядке бы не было. Только хуже.

– И обвиняли бы тебя сейчас не в похищении демона, а в царевубийстве, – преувеличивая – но ненамного – пошутил ковер.

– И камни стихий от его внука мы бы не получили. А без них осада Лукоморска неизвестно бы как закончилась, – поразмыслив над сослагательными наклонениями прошлогодней истории, присоединился к друзьям Агафон.

– С таким магом, как ты – да неизвестно? – скептически хмыкнул Олаф.

– Ну полгода назад-то всё по-другому было... несколько... – скромно усмехнулся его премудрие.

– Айвен, Сима права, – зябко поеживаясь под тонким суконным плащом, вмешалась в дискуссию Эссельте, принцесса Гвента. – Не за что тебе извиняться. И вообще, мне кажется, что этот Дуб вас с Агафоном даже не узнает – вы ж сами рассказывали, что ночь была, темно

---

¹ И поэтому очень часто Сеньке приходилось это делать за двоих.

кругом, и тем более, в казематах... А значит, ничего объяснять ему не надо будет. Чтобы его же не расстраивать. Самый верный подход. Я на своем отце знаешь, сколько раз проверяла!

– Чего не знает голова – душа о том болит едва, – галантно поверил женскую логику народной мудростью Ахмет Гийядин Амн-аль-Хасс, калиф Шатт-аль-Шейха, и девушка энергично закивала – то ли из горячего согласия, то ли из не менее горячего желания согреться.²

И, словно дождавшись сигнала, ее менестрель, Кириан Златоуст, медленно провел ногтем указательного пальца по струнам арфы и продекламировал нараспев, полуприкрыв сонные глаза:³

Напоминать о краже
Королевского предсказателя
Ни Дубу, ни страже
Совсем необязательно.
Неизбежен будет крах,
Пагубны последствия —
Дуб нас вздернет на дубах
Без суда и следствия.⁴

– Золотые слова, – в кои-то веки согласился с поэтом чародей.

Иван же, борясь с соблазном и убежденным напором друзей, лишь неуверенно покачал головой и снова погрузился в созерцание открывающихся перед ним перспектив. Его представления о честности предписывали ему во всем сознаться, но без признания вины это выглядело бы обычным нахальством, а вины своей в освобождении пленника он не видел, хоть тресни... И оставалось ему только смотреть вниз на проплывающие под ногами холмы, шахты и дороги и надеяться, что при встрече всё как-нибудь само собой утрясется, потому что забот и поводов для беспокойства у них и без того было предостаточно.

Лукоморец отвел глаза от груженого чугунами и медными болванками обоза, плетущегося по широкой мощеной дороге в сторону степи – с утра уже десятого или двенадцатого – и глянул на юг. Там над изорванной горными вершинами линией горизонта второй день подряд висела грязным пятном то ли туча, то ли странная тень. И сегодня, Иванушка мог бы поклясться, она стала чуть больше. Означало ли это какую-то невиданную погодную аномалию, или то, что Адалет, последний маг-хранитель, на встречу с которым они спешили, был прав, и Гаурдак действительно готов был восстать, царевич не знал, но отдал бы все, лишь бы оказаться свидетелем необычного природного явления, а не явления Пожирателя душ Белому Свету.

Что бы ни говорил Адалет о силе древних чар, позволявших наследникам Пяти родов удержать полубога-полудемона в его темнице всего лишь взявшись за руки, проверять ответственность этого рецепта Иван желанием не горел, равно как и остальные Наследники. Ну может, только Олаф, самый молодой конунг в истории Отрягии, спал и видел себя в гуще хорошей драки.

Но всё же вряд ли в середине мясорубки.

До вычисленного Адалетом срока оставалось меньше недели. Шесть дней на то, чтобы добраться до столицы Атланды Атланик-сити, забрать Дуба Третьего и отыскать в Красной Горной стране старого мага.

Должно хватить.

---

² После шатт-аль-шейхской жары прохладные майские утра предгорья Красной Горной страны даже Олафу казались холодными, а что уж говорить об остальных...

³ А так как они и до этого у него находились в полуприкрытом состоянии, то вирши свои он прочел с глазами полностью закрытыми, а с последним аккордом погрузился в тревожный чуткий сон.

⁴ Здесь и далее Кириана «озвучивал» стихами Дмитрий Касич.

Наверное.

Еще два дня назад Иванушка думал, что самым сложным из трех этапов окажется последний. Но теперь, когда черное облако намертво прилипло к горизонту и будто сверлило путников тяжелым враждебным взглядом, определить место встречи будет очень просто.

Хорошо бы, если бы Адалет был уже там...

«Если он еще жив», – закралась, откуда ни возьмись, маленькая трусливая мыслишка, и Иван гневно сжал губы и с позором изгнал ее из головы. Далеко ли?.. Надолго ли?..

Когда месяца полтора назад они расстались с магом-хранителем, отправившись за третьим Наследником в Гвент, старик пустился догонять пятерку магов-ренегатов, возглавляемую его бывшим учеником Огметом. Пользуясь сложившейся тогда безвыходной ситуацией и обещая учителю помощь, тот выведал, где должен проснуться Гаурдак, и теперь единственной их целью было успеть на заветное место раньше Адалета и Наследников.

Вообще-то, изначально ренегатов было семь, но предусмотрительный Огмет разделил силы, отправив парочку с недвусмысленным приказом за Иваном, Серафимой и Олафом. И задание свое, хоть и не без труда, ренегаты выполнили бы... если бы не вмешательство Агафона: магия студента Высшей Школы Магии Шантони, вооруженного теперь кроме разнообразных, но бессистемных знаний еще и посохом одного из самых могучих волшебников прошлого, не переставала удивлять окружающих.⁵

Иван невольно усмехнулся, вспоминая события прошедших недель, твердо сказал себе, что если бы Адалет упустил ренегатов или погиб, то на горизонте маячило бы уже не какое-то непонятное облако, а самый настоящий Гаурдак, и немного успокоился. В конце концов, до встречи с Дубом, а там и с Адалетом оставалось всего...

– Город!!! – радостно прошелестел под ними мохеровый голос Масдая. – Вижу город!..

После короткой дискуссии антигаурдаковская коалиция решила миновать такие условия как ворота, стража и замысловатая система официального допуска к королевскому телу. Масдай скользнул над оградой и устремился напрямик к затерянному среди цветущего сада дворцу. Несколько кругов над обширным дворцовым комплексом, еще одно быстротечное совещание – и Иван с Агафоном в один голос воскликнули: «Туда!».

Дружно указывая в противоположных направлениях.

– В какой очередности? – ковер завис рядом с черемухой, покрытой белой пеной цветов, и недовольно пошевелил кистями.

– Сначала сюда! – волшебник уверенно ткнул посохом в вычурное строение из синего и белого мрамора слева. – Тут зал аудиенций и кабинет, Тис говорил!

– Кто говорил? – безуспешно вспоминая незнакомое имя, наморщил лоб Ахмет.

– Тис, первый советник, родственник короля, которого мы из тюрьмы тогда с собой прихватили! – нетерпеливо протараторил волшебник. – Когда мы демона тут искали! Ну, так вот, Дуб сейчас должен быть там!

– А я думаю, там, – упрямо указал Иванушка на другое здание, по стилю схожее с первым, но выстроенное квадратом и из мрамора голубого. – Тут его личные покои. Времени еще восемь утра, от силы девять – ни один правитель в такую рань государственными делами не занимается.

– Точно! Тепленьким его брать! – поддержала мужа Серафима. – За шкирку пижамы, в окошко – и к Адалету!

– А мне кажется, он не любит поспать, – повел могучими плечами Олаф, часто судивший людей по себе. – Мой отец, например, всегда спозаранку вставал!

– И мой тоже! – не преминула сообщить принцесса.

---

⁵ И первым в списке этих хронически удивленных неизменно стоял сам Агафон.

– А если любит? – возразил им Ахмет, к людям подходящий точно с такой же меркой, как юный конунг.⁶

– Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к сиххё пошлет... – скучным голосом проговорил разбуженный полемикой менестрель и с запоздалой резонансностью добавил: – Спросили бы на воротах – уже бы у него были.

Но голос разума, как это часто бывает, утонул в пылу дебатов, и Кириан, состроив спорщикам, пока никто не видит, зверскую рожу, насупился и стал разглядывать сад.

Аккуратные бирюзовые мраморные дорожки с белыми бордюрами напоминали, скорее каналы. Вдоль них через каждые десять-двенадцать метров располагались скульптуры, неизменно изображавшие схватки людей с какими-то монстрами самых различных размеров и конфигураций. Между произведениями местного искусства на строго вымеренном расстоянии друг от друга росли тщательно подстриженные и ухоженные яблони, вишни и какие-то еще плодовые или ягодные деревья, невиданные на его родине. Чуть глубже, посреди ровного, как ковровый ворс, газона, заботливые садовники королевской фамилии высадили растения всех пород, какие только, казалось, существовали на Белом Свете: узамбарские пальмы, окруженные вамаясскими ирисами, сменялись лукоморскими березами, шантоньские каштаны касались ветками вондерландских дубов, опутанных лотранским плющом, стеллийские кипарисы перемежались отряжскими соснами... И между всем этим дендровеликолепием, словно заблудившийся оркестр, тут и там виднелись вездесущие статуи – но уже не с чудищами, а с трубами, трещотками и барабанами.

Полусонный бард, дивясь такому странному соседству, задумчиво протянул руку к черемухе, рядом с которой завис их ковер, ухватил благоухающую ветку, опущенную нежными белыми цветами, попытался отломить...

Оглушительный рев, треск и грохот разорвал нежную утреннюю тишину. Масдай, застигнутый врасплох, как всякий нарушитель границы инстинктивно рванулся с места прочь, не ожидавшие такого трюка люди повалились друг на друга, а самый не ожидавший – и имя ему было, естественно, Кириан – вцепился мертвой хваткой в первое, что под руку подвернулось.

Вернее, в то, что в руке у него уже было.

Черемуховую ветвь.

Говорят, что даже самая маленькая и молодая ветка узамбарского дерева набатанга гонга банга способна выдержать вес самого большого и старого узамбарского же летающего слона. И еще говорят, что такое дерево благополучно росло и цвело и в саду Дуба Третьего. И в этом случае остается только вздохнуть о том, что ковер выбрал для остановки и маскировки от посторонних глаз такое непригодное для перегрузок растение, как простая черемуха.

Ветка в кулаке менестреля оказалась достаточно прочной, чтобы сдернуть его с ковра, но слишком хрупкой, чтобы удержать восемьдесят пять кило поэтического гения Аэриу. Она неслышно хрустнула, отламываясь, и цвет гвентянской поэзии, сбивая и кроша цвет королевского сада, в облаке лепестков, подобно бескрылой фее-переростку, устремился к клумбе с тюльпанами.

Изничтожить еще и эту гордость садовничьего отряда ему не позволило лишь одно обстоятельство: бутоны, желтые, розовые и белые, уже были втоптаны в землю каменными ногами покинувших свои пьедесталы истуканов. И вместо трепетной красы не успевших распуститься цветов менестрель приземлился в их далеко не столь мягкие и ласковые объятия.

Бдительные идолы, схватив погубителя зеленых насаждений, успокоились, побросали или закинули за спину свои инструменты и поволокли добычу прочь, то ли скрежеща каменными зубами, то ли просто сталкиваясь друг с другом.

---

⁶ А посему представить монарха, вскакивающего с постели раньше кухарки, не способный по определению.

– Караул... – даже не пытаясь вырваться, зажмурился, что было сил, и просипел миннезингер и стал ждать спасения. Ведь должны же были его спутники заметить отсутствие такого незаменимого члена экспедиции!

Почти тут же до слуха его донесся отдаленный топот тяжелых сапог по мраморным плитам. Или воины его отряда спешили так далеко и теперь торопились ему на подмогу своим ходом, или...

Караул?..

– Караул!!!

Менестрель панически задержался, сиюсь вырваться из гранитных объятий. Идолища оживились тоже. Одно из них сдавило запястья барда точно тисками, второе выдержало из-под него брыкнувшиеся в негодование ноги...

– Убивают!!! – возопил менестрель, лишенный почвы под ногами. – Помогите!!!

Словно подстегнутые его воплем, шаги по дорожке зазвучали с удвоенной частотой – видно, производящие их личности и впрямь решили откликнуться на просьбу помочь убить.

– А-а-а-а!!!.. – кончились у Кириана слова и начались буквы.

– Вон они!!! – долетело из-за дальних чайных кустов, подстриженных под табун лошадей.

– Вон они!!! – божественным эхом донеслось с неба.

– Спаси-и-и-ите-е-е-е!!! – вернулся дар членораздельного ора к воодушевленному барду. – Карау-у-у-ул!!!..

В следующую секунду в нескольких метрах от них завис Масдай, и с него посыпался десант – Олаф, Иван, Сенька, Агафон и даже Ахмет с церемониальным крис-ножом кочевника наголо. Истуканы, почувствовав новый источник угрозы – хоть на этот раз не королевской растительности – быстро развернулись в боевом порядке навстречу.

Иванушка у скульптурной группы захвата был первым.

– Добрый день! Не могли бы вы отпустить нашего товарища? – протянул он к ней пустые ладони. – Произошло какое-то недоразу...

Горнист ростом под два с половиной метра и шириной всего на полтора метра меньше внезапно оттолкнул коллег и ринулся вперед. Если бы не быстрота реакции Олафа, огревшего статуя по лбу топором через голову друга, Серафима могла остаться вдовой.

Искры и каменная крошка полетели из-под синеватого лезвия, монумент покачнулся, теряя ориентацию, и Сенька прыгнула, выбивая суженого с линии огня и опрокидываясь вместе с ним навзничь в лиловые лилии. А клумбу нарциссов, где мгновение назад стоял Иван, накрыл полутонной тушей контуженный горнист.

При виде первой победы конунг с радостным боевым кличем сдвинул рогатый шлем на затылок и бросился на противника, точно перед ним была не передвижная выставка скульптурно-магического искусства Атланды, а жидкий подлесок. Но опешившие было от такого нахальства идолы быстро пришли в себя и, бросив пленного барда на самого маленького флейтиста, азартно накинулись на противника.

Спасая теперь уже отряга, во фланг разошедшимся монументам ударил Иван с волшебным мечом и Сенька с калифом. Но через несколько секунд, нарушая восстановившееся было равновесие, подоспел отряд дворцовой стражи, и Агафону⁷ пришлось поддержать друзей комками синего огня. Он успел отправить к небу в столбах багрового пламени тройку пьедесталов, скамейку, фонтан и беседку, прежде чем враги и друзья, спасаясь от плюющихся искрами сгустков, сбились в плотную кучу и безнадежно перемешались. А всем известно, что при отсутствии оружия или возможности его применения, но при наличии желания его применить, сеча легким движением руки превращается в энергичную потасовку.

---

⁷ Хоть и не уверенному до конца, так ли следует обращаться с имуществом и подданными их без пяти минут союзника.

В разные стороны полетели шлемы, алебарды, обувь, клочья одежды, комья земли и куски камня. Один из них ударил Агафона в ухо, оглушив на несколько мгновений. Опомнился маг уже в гуще схватки, отчаянно вопящим и мутузящим каменную спину. По его спине, в свою очередь, тоже кто-то пытался то ли постучать кулаком, то ли походить ногами. Посоха в пределах видимости не наблюдалось, и лишь периодические душераздирающие вскрики показывали, что он цел и валяется где-то под массой дерущихся.

Эссельте в истерике металась по ковру в трех метрах от земли, сжимая кулачки и грозно вопя «Стойте!» и «Прекратите немедленно!», но ни стоять, ни прекращать драку, медленно или немедленно, никто не собирался, ибо остановиться означало быть немедленно уроненным и придавленным более энергичными или воинственными товарищами и противниками.

Решил исход битвы при черемухе Масдай.

Вздыхнув всеми своими кистями и не полагаясь более ни на человеческую рассудительность, ни на невозмутимость каменных истуканов, он прицелился и резко опустил на кучумалу, накрывая своими двенадцатью квадратными метрами, принцессой, багажом и припасами всех и одновременно, словно разволновавшихся кенаров в клетке.

Как ни странно, способ помог.

Не то магия, оживлявшая природоохранных истуканов, срезонировала с магией ковра успокаивающим образом, не то завод их кончился, но памятники под ковром притихли как мыши и замерли. Зато люди принялись возиться с удвоенной силой – но уже пытались не поколотить друг друга, а выбраться из-под жесткой и грубой, словно наждак, основы ковра.

Первой на воле оказалась голова начальника патруля – лицо цвета приставшей к нему земли, смятый до конфигурации блюдца шлем, заплывший глаз и глаз заплывающий... встретившиеся вдруг слегка расфокусированным взглядом с другой парой глаз под разбитым лбом – на другом конце ковра.

Рука капрала потянулась за мечом – и выпустила:

– Извините, что отрываем вас от дел, но не будете ли вы так любезны подсказать, где его величество принимает дружественные иностранные делегации в это время дня?..

Через час антигаурдаковская коалиция, умытая, переодевшаяся и смазавшая синяки, шишки и ссадины фирменным бальзамом Друстана, чинно сидела в королевской приемной под надзором трех десятков воинственных гвардейцев. Олаф в ставшем однорогим и однобоким шлеме гордо поигрывал пальцами на рукояти топора, Агафон снисходительно усмехался, поглаживая посох, Иван лихорадочно собирал из заготовленных кусков оправдательную речь, Эссельте и Серафима, задрав носы, демонстративно игнорировали восхищенные взгляды солдат.⁸ Ахмета с Кирианом больше всего интересовали апартаменты и убранство. Первый оглядывал их слегка ревниво, сравнивая со своими покоями, второй – хищно щурясь из-под бинтов подбитыми глазами и прикидывая, что из увиденного можно будет подвергнуть остракизму в сатирическом памфлете, клеймящем позором атланское «гостеприимство».

Впрочем, с точки зрения любого государя, обстановка и украшения королевской приемной были более чем скромные. Резные панели из мореного дуба, замысловато инкрустированный шпоном потолок, картины в деревянных рамах, мебель – удобная и красивая, но без единого признака позолоты... В доме купца, чиновника или военного такая комната смотрелась бы роскошно. Но в королевском дворце, да еще в стране, соперничающей своим богатством с самим Шатт-аль-Шейхом, видеть исключительно деревянный интерьер было странно и непо-

---

⁸ Первая – в адрес своей внешности, вторая – на ажурную кольчугу цвета морской волны, тонкую и легкую, как паутинка, и прочную как молибденовая сталь – персональный подарок отца Масдая. Конечно, Олаф, Иван, Агафон и Ахмет получили точно такие же подарки, только серебристых тонов, но скромно носили их под одеждой, где им и было, по их мнению, место. Серафима же была убеждена, что прятать такую красоту от людских очей – все равно, что носить ожерелья под платьем, а кольца – под перчатками. И Эссельте, получившая от старого волшебника точно такой же дар, была единственной, кто с ней соглашался.

стижимо. Если бы не наборный паркет из четырех дюжин сортов редчайшей древесины самых разных и неожиданных оттенков, от розового до голубого и изумрудного, в хваленном благосостоянии короля атланов можно было бы и усомниться.

Гулкие тяжелые шаги за дверью, отгораживающей зал аудиенций от приемной, заставили друзей встрепенуться и насторожиться.

– Ну наконец-то... – брюзгливо поджал разбитые губы калиф. – Заставлять нас ждать на этом дровяном складе как каких-то... *посетителей*... не делает чести правителю Атланды.

– Ничего, – скривился в улыбке сомнительного качества чародей. – Сейчас он искупит свою вину, распахнув собственноручно двери и объятия и сообщив, как он сожалеет о происшедшем и сгорает от нетерпения присоединиться к нам.

– Но сначала мы должны ему все рассказать, – бледный, но решительный Иванушка поднялся с диванчика, шагая навстречу открывающейся двери...

И замер.

– Его величество ждет вас в своем кабинете, – торжественно и звучно проговорил камергер, и необъятный живот его под придворным мундиром колыхнулся, как жележный торт, от троекратного стука жезла об пол.

– Даже не вышел! – потемнела от гнева физиономия Ахмета. – Словно между нашими родами нет никакой связи!

– Если еще и его придется уговаривать... – предчувствуя неладное, покачала головой Эссельте.

– Уговорим, – показательно игнорируя три десятка насторожившихся громил, переглянулись Олаф и Агафон.

– Демона украли, сад разгромили, стражу побили, чего бы еще такого сделать, чтобы он нас полюбил?... – пробормотала царевна, томно глядя в потолок.

– Прошу! – вышколенный камергер отступил на шаг в сторону, не подавая и вида, что слышал сейчас что-то, кроме стука своей палки, и распахнул перед гостями вторую створку двери.

Первое, что бросилось друзьям в глаза – еще полтора десятка гвардейцев. В полном комплекте бордовых доспехов, с мечами наголо, они стояли везде: у окон, у камина, у входов, ведущих в другие покои... Двое из них – офицеры, судя по знакам различия на нагрудниках – расположились по обеим сторонам письменного стола в дальнем конце кабинета. За столом, склонив голову над бумагами, с пером в руке и в такой же кирасе, как его охрана, сидел человек.

При звуке шагов он приподнял голову и подал сигнал одному из офицеров. Тот взялся обеими руками за спинку королевского кресла... и покатил его из-за стола навстречу гостям.

Иванушка ахнул, позабыл заготовленные слова, и варианты, один другого катастрофичнее, заметались в его мозгу.

Дуб Третий заболел? Ранен? Или это не он, а его дед – Дуб Первый? Когда в прошлом году они видели его на праздновании столетия, тот тоже передвигался только в кресле-каталке... Но что тогда случилось с его внуком?

– Не могу сказать, что рад вас видеть, доблестные Наследники... – слабо выдохнул человек в кресле, и при звуке этого голоса сердце Иванушки дернулось отчаянно и пропустило такт. – Сообщать дурные новости – всегда задача не из приятных и легких... Тем более, такие ужасные...

Офицер остановил кресло шагах в пяти от застывшей у порога группы, и лукоморец с волшебником впервые получили возможность взглянуть расположившегося в нем под толстым клетчатым пледом человека.

– Советник... Тис?..

Атлан напрягся и замер, точно почувствовал у горла клинок, глаза его, утомленно полуприкрытые, на мгновение превратились в настороженный прищур бойца, впились в лицо царевича... и снова потухли.

– Не имею чести быть знакомым с вами, благородные дамы и господа, – король откинулся на спинку кресла, и голос его прозвучал приглушенно и устало, точно удивительные перемены всего лишь почудились Иванушке. – Если мы встречались раньше, соблаговолите напомнить обстоятельства.

– Мы не встречались с вами раньше, – еле слышно – и в кои-то веки, абсолютно честно проворковала Серафима, не давая супругу открыть рта. – Но слава о мудром и дальновидном друге его величества Дуба Третьего разлетелась далеко за пределы Атланды. Купцы Лукоморья и Лесогорья, которым довелось побывать здесь, отзываются о вашем неожиданном величестве исключительно в превосходной степени!

– О моем... э-э-э... да?... – сказать, был ли Тис сбит с толку или польщен, затруднился бы сейчас даже он сам.

– Безусловно! – восхищенно округлила глазки Эссельте, по наитию подыгрывая подруге. – В Гвенте слух о первом советнике Тисе достиг даже королевской семьи!

– Кхм... – под напором тяжелой артиллерии принцессиных очей укрепления его свежее испеченного величества пали, и по щекам, заливая нездоровую мучнистую бледность и теряясь в бакенбардах, расплескался румянец. Худая рука Тиса поднялась с коленок и махнула застывшим в простенках между окнами гвардейцам:

– Поставьте кресла там.

Король скомандовал тихо, но слова его были услышаны, и через минуту гости короны уже располагались с комфортом с одной стороны массивного письменного стола.⁹ С другой его стороны, навалившись грудью на край, устроился Тис, за частоколом из перьев, крепостной стеной письменного прибора и сторожевыми вышками настольных ламп¹⁰ напоминая больше осажденного мятежного вассала, чем хозяина.

– Ваши величества... ваши высочества... – приветствуя еще раз визитеров, едва заметно кивнул хозяин кабинета¹¹ и скривился, словно малейшее движение головы причиняло ему тяжкие страдания.

– Поскольку печальные события последних недель, произошедшие в Атланик-Сити, вам неизвестны, то начну с самого начала... – изобразив лицом раздумье и скорбь, медленно заговорил король. – Почти месяц назад рано утром... приблизительно как вы сейчас... во дворце, минуя стражу у ворот, появились два человека. Не знаю, какими средствами они добились своего... наверное, у людей, способных проникнуть незамеченными в пределы дворца, такие средства имеются... но его величество Дуб Третий согласился встретиться с ними очень быстро. Разговор проходил наедине, поэтому о чем беседовали незнакомцы с нашим монархом, сказать не может никто. Но это теперь и неважно. Кончилось тем, что они стали его почетными гостями и прожили во дворце в самых лучших гостевых покоях с неделю, может, чуть больше. Каждый день король встречался с ними и разговаривал – иногда по целому часу. За это время все во дворце успели привыкнуть к таинственным визитерам, хотя никто так ничего про них не узнал – даже имен. Но вдруг в один далеко не прекрасный день, когда я ожидал в приемной с докладом, двери этого самого кабинета распахнулись, и навстречу мне вышла та парочка и Дуб.

Тис склонил голову набок и покачал ею, будто в крайнем изумлении.

---

⁹ Для усугубления ли комфорта или для уменьшения его, так как много комфорта – тоже зло, за спинами их, всего в паре метров, выстроились все три десятка гвардейцев из приемной.

¹⁰ «Наконец хоть что-то золотое», – с сострадательным облегчением подумал Ахмет.

¹¹ Каким-то непостижимым образом под покрытие королевского кивка не попал лишь усевшийся в самую середину Кириан.

– Боги и демоны!.. Таких пустых глаз, как у него, я не видел сроду даже у городских сумасшедших!.. Не знаю, что подумали бы на моем месте вы, но я сразу заподозрил неладное. Не раздумывая, я преградил им путь и спросил, куда они направляются. Один из гостей ответил, что прогуляться в сад. Я сказал, что обращаюсь не к нему, а к его величеству. Они оттолкнули меня. А король... король все это время шел вперед, не проронив ни слова, будто заводной солдатик! Наверное, мне стоило позвать стражу, или притвориться, что поверил, и бежать в поисках Бересклета, придворного мага. Но кто же знал, что они окажутся колдунами... ничто не предвещало... Да, я растерялся – ведь не каждый день у меня из-под носа похищают моих сюзеренов!..

Голос бывшего советника драматически затих, расфокусированный взгляд устремился куда-то в небытие, а голова, точно маятник, стала покачиваться из стороны в сторону, изображая высшую степень сожаления и бессилия.

Почти все гости в сочувствии закивали.

– Эти двое! – пальцы Олафа, предпочитавшего театру кулачные бои, сжались на подлокотнике кресла так, что дерево треснуло. – Клянусь Мьёлниром, это были реньи гады!

– Кто?.. Вы их знаете? – моментально вскинулся Тис, словно не было его медитативного полузабытья.

– Встречались, – угрюмо отозвался Иванушка.

– И что же было дальше? – нахмурился калиф. – Что случилось с Дубом?

– Не знаю, какие планы имели на него эти двое, но на первом этаже им не повезло наткнуться на Бересклета. Похоже, он тоже почуял неладное, завязалась битва, и...

– Что с Дубом? – тоном, ледяным от непонятого гнева и очень понятного предчувствия катастрофы, проговорила Сенька.

– Он погиб, как и наш чародей, – одарил ее оскорбленным взглядом новый король.

– А его дед? – спохватился Агафон. – Мы могли бы забрать его!

– Старый король был в своих покоях, когда туда ворвались эти колдуны, разметав дворцовую стражу, хотя стражи там было всего ничего – обычный почетный караул в коридо...

– Что с дедом? – нетерпеливо раздула ноздри царица.

– Придворные и прислуга до сих пор боятся заходить в это крыло, – холодно глянул на Серафиму король. – Не то чтобы там можно было что-то отремонтировать или убрать. Когда-либо.

– Было бы любопытно поглядеть, – заинтересовался менестрель, но в ответ получил лишь стеклянный, полный презрения взгляд.

– Кириан, это бестактно! – рассерженно прошипела ему на ухо принцесса, и поэт незамедлительно состроил горестную мину.

– Позор и пепел на мою несчастную голову... удар каменного кулака по затылку не всегда позитивно отражается на способности формулировать мысли... – приниженно, но с намерком погладил он себя по белой повязке. – На самом деле я хотел спросить, как ваше бесстрашное величество, образец отваги и предприимчивости, утратило остатки в живых там, где пал чародей и король.

– Кири...

– Ах, опять мильпардон моветон... – торопливо закатил глаза бард. – Не обращайтесь внимания: между полушариями моего контуженого мозга сегодня положительно возникает когнитивно-экспрессивный диссонанс.

– Что у него возникает? – завороченный медицинскими откровениями Тис на несколько секунд забыл, что не только говорить, но даже здороваться с простыми виршешплетами – ниже его свежеепеченного королевского достоинства.

– У Кириана Златоуста, впечатленного услышанным, возникает неконтролируемое желание сочинить хвалебную оду на ваше восшествие на престол, – серые очи Сеньки излучали

искреннюю озабоченность в мегаваттном диапазоне, – но без знания подробностей вдохновение отказывается приходить, и это терзает его поэтическую душу.

– Ах, подробностей... – мученическая улыбка скользнула по тонким губам короля, и он откинулся на спинку кресла с некоторым облегчением. – Всех интересуют подробности... Но их мало. Разъяренный, я бросился к колдуну, который был ближе ко мне, ударил что было сил в его мерзкую рожу, и вдруг перед глазами моими вспыхнули круги... Больше я ничего не помню. А когда очнулся, то ноги мои отказывались мне повиноваться, хоть и сохранили чувствительность. Лекари и знахари утверждают, что это последствия заклинания, науке неизвестного.

– И ничего нельзя поделаться? – сочувственно подался вперед Иванушка.

– Нет, – со странным самодовольством проговорил Тис. – Но кое-кто из них считает, что действие проклятья может пройти само по себе. Со временем. Для оды этого достаточно?

– Более чем, – менестрель смиренно опустил очи долу под обжигающим взглядом принцессы.

– Тогда не смею вас больше задерживать, – сухо улыбнулся король. – Более важные дела, чем разговоры с инвалидом, без сомнения, ждут вас.

– Да...

– Но...

– Но... но без пятого Наследника...

– Погодите, мы понимаем, что Дуб Третий был неженат, но может, у него были бастарды? – осенило лукоморца.

– Да, был. Один, – кивнул Тис.

– Где он? – отряг подскочил, и массивное кресло, отлетев, едва не зашибло стоявшего за ним солдата.

– Со своим отцом, где бы он теперь ни находился, – философски развел руками монарх Атланды. – Он был конюхом и упал с сеновала едва ли не на следующий день после печальных событий.

– И?... – затаив дыхание, прошептала Эссельте, все еще надеясь на счастливый исход.

– И сломал себе шею, – повел плечом под кирасой Тис.

Гости удрученно смолкли, осмысливая невероятные новости.

– Но друзья мои! Есть же его величество Тис! – встрепенулся вдруг калиф. – Как бы ни страдало ваше величество от ран, полученных в благородной схватке, наш чудесный ковер доставит вас к месту встречи бережнее, чем мать – свое единственное дитя!

– Был бы польщен знакомством с самим магом-хранителем Адалетом, – криво усмехнулся король. – Но, боюсь, от меня там пользы будет не больше, чем от любого другого человека в нашей стране. Моя матушка была сестрой жене Дуба Второго. Родство не по крови.

– Погодите... Но это значит... – Агафон, стряхнув подавленное оцепенение, растерянно оглядел товарищей, точно ища в угрюмых, сосредоточенных лицах опровержение. – Это значит...

– Да, увы, – сдержанно кивнул король. – Как бы прискорбно ни звучало, это значит, что пятого Наследника Белый Свет лишился навсегда.

– Но... этого не может быть... это неверно... неправильно... этого просто не может быть... – как заклинание повторяла Эссельте, ошеломленно моргая. – Это... это... Но как мы теперь?!..

– Кабуча... Кабуча габата апача дрендец!!!..

От грохота посоха по паркету гвардейцы подпрыгнули и схватились за мечи, но чародей даже не среагировал: обхватив свое оружие, он навалился головой на стиснутые пальцы и зарычал сквозь зубы что-то невнятное, но отчаянное и яростное.

– Ты не виноват, – разобрав или угадав скомканные фразы, Иван сочувственно опустил руку ему на плечо. – Ты не мог знать... Ты же думал, что под колпаком они пробудут достаточно долго...

– Думал, думал... Да я вообще тогда ни о чем не думал, идиот!!! Обрадовался, посох получил, двоим нос утер – мальчишка, молокосос, сопляк – правильно они меня называли, правильно!!!..

Новый удар посоха, сопровождающийся теперь россыпью мелких молний, заставил посыпаться с потолка инкрустацию и светильники. Гвардейцы и офицеры рванулись было к визитерам, но, налетев на незримую стену, словно мячики отлетели к стенам.

Король, побелев как мрамор и не сводя расширенных от ужаса глаз с разбушевавшегося волшебника, вжался в спинку кресла и замер неподвижно, будто сам превратился в статую.

– Болван!!! – грохотал разъяренно голос чародея под сводами кабинета, и витражи в окнах лопались, осыпая паркет и приходящих в чувства солдат разноцветным дождем.

– Агафон! – гневно воскликнула принцесса. – Что ты делаешь! Мы в гостях!

– Да... – маг начал было перечислять, что он думает про хозяина, про его гостеприимство в частности и про всю страну вообще, но, перехватив взгляд Сеньки, лишь скрипнул зубами и испуганно вдавил наконечник посоха в паркет.

Из дыры пошел багровый дым, и невидимые стены пропали.

– Извините... ваше величество... – так же сквозь зубы, но уже с натужной попыткой к вежливости, произнес волшебник. – Я... не сдержался. Новости... плохие.

– Некоторые гонцов, приносящих дурные известия, просто убивают, – покривил губы в деревянной улыбке Тис. – Я предпочитаю твой подход, маг.

– Агафон не хотел, ваше величество! – пылко проговорила гвентянка. – Простите его!

– Ради ваших прекрасных глаз, ваше высочество, я готов простить всё, что угодно и кому угодно, – снова – но на этот раз несколько натуральнее и шире – улыбнулся король.

– Эссельте, спокойно, тебе вредно волноваться, – бережно приобняла ее за плечи Серафима. – Это только ты думаешь, что удар головой – пустяк, а ведь последствия могут сказаться даже спустя некоторое время, особенно если так переживать!

– Но я не ударя...

– В парке, когда ты упала с Масдая, – сочувственно заглянула ей в глаза царевна.

– А...

– Да, я об этом. О самый пьедестал.

– Но я...

Серафима озабоченно прикоснулась к голове подруги, раздвинула волосы над ухом, приблизилась, глядя в глаза, видимое только ей, и, наконец, опустила золотистые кудри гвентянки на плечи.

– Конечно, кроме припухлости нет ничего... Не болит?

– Нет, что ты! Только голова кружится, но совсем немножко, а так – все прекрасно!

– Кружится? – встревожилась царевна.

– Чуть-чуть! И уже прошло! – беззаботно отмахнулась гвентянка.

– Но если не болит – это не значит, что все обошлось.

– Ты знаешь, наши лекари всегда говорят то же самое, – кивнула она, покачнувшись вдруг и ухватилась за плечо Олафа.

– Эссельте?... – проворно подхватил ее отряг.

– Ничего... Я просто оступилась... – слабо улыбнулась встревоженным взглядам друзей принцесса.

– Ну что ж, милостивые государи и государыни, – не дожидаясь окончания женского консилиума, развел руками Тис Первый. – Сожалею, но ничем больше помочь вам не могу, кроме

совета. Полагаю, вам стоит поторопиться встретиться с его премудрием Адалетом. Насколько я понимаю, если кто и способен придумать что-то в сложившейся ситуации, так это он.

– Да, премудрый Адалет придумает, несомненно! – оживился калиф. – Умная мысль, ваше величество, подобна золотой монете – никогда не бывает лишней!

– Благодарим за внимание, ваше величество, – поклонился Иванушка.

– Хотел бы я, чтобы наша первая встреча произошла при более приятных обстоятельствах, ваши величества, ваши высочества, – холодно склонил в ответ голову король, давая понять, что аудиенция закончена.¹²

Гости также раскланялись и попрощались в меру воспитанности и желания, и под сверлящими взорами гвардейцев двинулись к выходу.

Эссельте упала почти на самом пороге.

Коротко стриженный упитанный знахарь лет пятидесяти, персональный лекарь его величеств Дубов Первого и Третьего, равно как и Тиса Первого Фикус, как он помпезно представился, распрямился, потирая кулаком затекшую поясницу, и обернулся к гостям. Поглаживая пухлой ладонью щеку, он оттопырил нижнюю губу и сосредоточенно свел брови над переносицей, будто обдумывая нечто важное. Друзья, сбившиеся на время осмотра в плотную обеспокоенную кучку в дальнем конце отведенных Эссельте покоев, поняли, что пришло время вопросов, и устремились к нему как на приступ в такой же тесной формации.

– Ну, как она? – первым заговорил отряг.

Знахарь удовлетворенно кивнул, с шумом выдохнул и провещал важно и с расстановкой, оглядывая окруживших его людей:

– Не думаю, что ее высочество получила серьезную травму. Небольшое сотрясение, судя по симптомам.

– Какие снадобья понадобятся, чтобы прекрасный цветок Севера восстановил свои силы? – правитель Шатт-аль-Шейха обеспокоенно заглянул в одутловатое лицо доктора.

Тотчас же превратившееся из широкого в длинное.

– Извините, ваше величество, но я не ботаник, я медик, – растеряв пафос, заморгали часто и растерянно белесые глазки, – а после того разгрома, что ваши величества и ваши высочества учинили в парке, я слышал, клумбы восстановлению не подлежат вообще, только если всё перекопать и посадить заново, и газон тоже, и некоторые кусты, и черемуха тоже, какая жалость, говорят, ее сломала статуя, которую кто-то зашвырнул чуть не на самую вершину, просто не могу представить, сколько это будет стоить казне...

– Ахмет спрашивает, чем ты собираешься лечить нашу Эссельте, – перевел Олаф, за время пути успевший привыкнуть к цветастой, как клумба садовника-дальтоника, речи калифа, и находивший ее в высшей степени забавной.¹³

– Ах, это... – знахарь стусевался и поспешно прихлопнул рот ладошкой, опасаясь, не наговорил ли он чего лишнего, ведущего к международному если не скандалу, то конфузу.

– Да, конечно! – с нетерпением подтвердил Кириан.

– Медицина в таких случаях предписывает, что самое лучшее лекарство – покой. Несколько дней постельного режима, хорошего ухода, сбалансированного питания – и про падение ее высочество забудет напрочь.

– У нее что-то случится с памятью? – заволновался калиф.

– Э-э-э... с памя... – начал было озадаченно лекарь, но сообразил, что мог иметь на этот раз в виду его великолепие, и благодушно отмахнулся от опасений: – Нет, что вы, ваше

---

¹² А также, что вторых встреч с ними, равно как и третьих, четвертых и последующих – ни приятных, ни неприятных – до конца своей жизни он не планирует.

¹³ Особенно при подобных обстоятельствах.

величество, с памятью у ее высочества все в порядке. Заявляю с полной ответственностью как королевский врач, что никаких опасений за ее здоровье у меня нет.

– Практикуясь на одних королях, много опыта не приобретешь, – с сомнением нахмурилась Серафима.

– Вы мне не доверяете? – уязвленно насупился эскулап.

– Моя троюродная бабушка – знахарка, – словно извиняясь, пожала плечами царевна. – И она всегда подчеркивает, как важна для человека медицины практика. А Дуб, насколько мне известно, был здоровья богатырского, а кроме деда семьи другой у него не было... Поймите нас правильно, нам всем очень дорога наша Эссельте, и если есть хоть малейшее сомнение...

– Ах, вы об этом... – смешался Фикус. – Нет... по правде говоря... я... э-э-э... не только их величества пользовал... но и всех, кто живет во дворце... от министра до конюха...

– Бедняга... – покачал головой Ахмет, и черные выразительные глаза его сделались еще темнее и печальнее. – Это ужасно...

– Тронут вашим сочувствием, ваше величество, но работы у меня не так уж много, – сбитый с толку, расшаркался лекарь.

– ...Какая жестокая судьба... Свалиться с сеновала, на котором трудился всю жизнь – и вот так вот... – точно не слыша слов знахаря, продолжал калиф.

Почтенный врачеватель, снова не уловивший причудливый полет ассоциаций шатт-аль-шейхца, стушевался до невозможности, покраснел, не зная, кого винить в очередном конфузе, и чтобы сгладить неловкость – перед самим собой, в первую очередь – забормотал, энергично, хоть и не слишком связно:

– Вообще-то, Каштан не совсем свернул себе шею... чтобы не сказать, совсем не... Если быть точным, он проломил голову о ведро... очень неудачно ударился при падении – самым темечком...

– Там высоко? – быстро полюбопытствовал волшебник.

– Не очень, метра два, не больше... но, видно, судьба, как справедливо заметил его величество калиф Ахмет Гийядин.

– Да уж... судьба... – хмыкнул отряг, и тут же горделиво добавил: – Вот я как-то свалился с коня – и тоже головой на ведро. Так ведро – в щепки, а голове – хоть бы что!

– У вашего величества деревянные ведра? – пораженно расширились глаза Фикуса.

– Ну не железные ведь! – хмыкнул рыжий конунг.

– Богатство вашего королевства должно быть невероятно... – с почтением склонился лекарь. – А в нашей стране делать ведра из дерева – непозволительная роскошь, доступная только королю, но зачем королям ведра?..

– А из чего же ведра у вас? – ошеломленно уставился на знахаря Иванушка.

– Из меди, ваше высочество. Дешево и практично. Но, похоже, падения на них слишком пагубно отражаются на здоровье... Бедняга Каштан... воистину, злая судьба. Еще несколько дней – и быть бы ему королем... подумать только...

– Королем?! – изумленно вытаращил глаза калиф. – Но он же...

– Да, ваше величество, он бастард, – в кои-то веки уловил ход размышлений южного гостя знахарь, – но по закону нашего королевства при отсутствии законных наследников, то есть родных детей монарха, рожденных в браке, престол наследуется его бастардами в порядке старшинства по мужской линии, а если таковых не окажется – то по женской. Только не спрашивайте меня, чем это обусловлено – закон есть закон, какой бы... э-э-э... удивительный... он ни был.

Но никто из присутствующих и не подумал просить пояснений на этот предмет.

– А наследники-женщины... из незаконнорожденных... у Дуба Третьего были? – заинтересованно приподняла голову с подушки принцесса.

– Женщины?..

Врач прикусил губу, а глаза его панически забегали по комнате – с картины на картину, с портьера на портьеру, словно он рассчитывал прочесть верный ответ – или получить подсказку – там.

– Эссельте, лежи смирно! – сурово обернулась к ней Сенька и, пока никто не видит, одобрительно подмигнула. – Тебе нельзя перевозбуждаться!

– Нет, я не могу лежать смирно и не перевозбуждаться, пока не узнаю! – капризно надула губки гвентянка. – Это же так волнительно!.. Такие события!.. И опять, как всегда, женщины остаются за бортом только потому, что они – женщины! Лекарь, ответь же мне, пожалуйста, не молчи, как ваши садовые истуканы!

– Я... да... мне пора идти... очень срочное дело... я вспомнил... вдруг... – невпопад и сбивчиво затараторил Фигус, не глядя гостям в глаза, подхватил саквояж, и с таким видом, точно ожидал, что его вот-вот начнут бить, проворно попятился к двери. – Я... доложу его величеству Тису о состоянии ее высочества... сообщу о предписанном лечении... незамедлительно... засим откланяюсь... был счастлив услужить... оказаться полезным... до свидания... ваши величества... ваши высочества...

Заведенная за спину рука знахаря резво нащупала ручку, дверь распахнулась перед ним и через секунду прикрылась, мягко щелкнув язычком замка.

В комнате на несколько мгновений повисла задумчивая тишина.

– Если бы я замахнулся на него топором, он вряд ли выскочил бы быстрее, – дивясь, первым нарушил молчание Олаф.

– То, что он не... – заговорил было Иванушка, но супруга его опередила.

– Кириан, солнце наше поэтическое, – ее взгляд нашарил среди товарищей пристроившуюся на кресле у окна насупленную фигуру. – Твоя лютня с тобой?

– Всегда со мной, – любовно погладил менестрель изысканный подарок калифа взамен погибшей под развалинами в Шатт-аль-Шейхе.

– Пожалуй, мы все были бы сейчас не прочь послушать что-нибудь задушевное, продолжительное и экспрессивное, – мечтательно закатила глаза Сенька, и едва уловимая шкодная ухмылка прошмыгнула по ее губам и пропала.

Бард, готовый уже с негодованием отказаться, ссылаясь на дюжину причин, среди которых не последнее место занимало утреннее побоище и отсутствие еды уже в течение нескольких часов, насторожился.

– Ну если вашему высочеству очень желается?..

– Чрезвычайно, – обворожительно улыбнулась царевна и как бы невзначай оглядела гобелены и занавеси на стенах апартаментов – по которым минутами ранее метался взор атлана. – Превзойди сам себя, Златоуст – такой благодарной аудитории у тебя еще не было, клянусь.

– Баллада о Сколопендре и Дихлофосе подойдет для услаждения слуха моей разборчивой публики? – деловито поинтересовался менестрель, подвигая кресло поближе к кровати принцессы и собравшемуся вокруг нее военному совету.

– Именно ее я и хотела заказать! – просияла Сенька.

– И пусть враги опасаются... – ухмыльнулся в кулак Агафон, имевший однажды возможность прослушать сие бессмертное творение Кириана от начала до конца.

Миннезингер тонко улыбнулся, пробежался умелыми пальцами по струнам, возвращая на место загулявшие тона и полутона, откашлялся – и грянул:

Ныне спюю я вам песнь о любви беспримерной,
Той, что в веках остается и сердце тревожит
Всем без разбора: и девам младым и мужам сребровласым,
Рыцарям гордым и домохозяйкам прилежным,
Знатным вельможам и простолюдинам и среднему классу;

Той, что подобно светилам, с небес полыхающим ярко,
Светит для смертных огнем своим неугасимым...

– Премудрость твоя, о дева, чей разум подобен булату, сомнению подвергаться не может, но за что нам, несчастным, после всего, что уже стряслось, еще и *это*?.. – заморгал калиф и жалобно скосился на барда, самозабвенно заливающегося певчей вороной в брачный период.

– Это не нам, – оказался более прозорливым волшебник. – Сима боится, что нас подслушивают – видел, как лекарь глазами по стенкам стрелял?

– Выйти и разгромить всех соглядатаев... то есть, этих... – отряг гневно стиснул рукоять любимого топора, порылся в голове в поисках соответствующей пары гластому слову, не нашел, плюнул и продолжил как мог: – ...подслушатаев... к Хель и в преисподнюю!

– Не найдешь, где спрячутся, – грустно, но решительно отмела предложение Сенька – словно сама только что рассматривала такой вариант.

– Агафон по стене из посоха шархнет – сами быстро найдутся! – не сдавался конунг, разъяренный одной возможностью подобной низости со стороны Тиса.

– Разнести полдворца, перебить тех, кто не успеет убежать, остальных – ловить и допрашивать? – скептически усмехнулся маг.

– Точно! – обрадованный пониманием, заулыбался Олаф.

– Так нельзя, – строго нахмурился Иван.

– Почему? – насупился в ответ отряг. – Им подслушивать, значит, можно...

– Они дома, – принимая правила игры, пожала плечами Серафима.

– И что это значит? – упрямо отказывался понимать рыжий конунг.

– Это значит, что «всем по башке, а Тису – три раза» оставим в качестве запасного варианта, – несколько неохотно признала царевна. – И вообще, пока не кончилась балда... баллада, в смысле... какие будут другие предложения по дальнейшим действиям?

Напоминание о том, что кроме разнесения дворца по камушку было нужно делать еще что-то, моментально успокоило воинственные настроения и опустило боевой дух отряда ниже погреба.

– Наверное, Тис прав... – угрюмо вздохнул Иванушка. – Нужно лететь к Адалету...

– Но мы не можем лететь к нему с пустыми руками! – пылко вскричал калиф.

– Лететь, и не попытаться выяснить, кто и где внебрачная дочь Дуба?.. – возмущенно подскочила на кровати принцесса, но тут же была уложена обратно суровой Серафимой – на случай, если подслушатаи все же окажутся еще и соглядатаями.

– ...И что стало с дедом Дубом? – нахмурился отряг.

– ...И кто убил конюха, – добавила Сенька.

– А с чего, о разумная дева, ты взяла, что его убили? – настороженно прищурился Ахмет.

– Место раны, – немногословно пояснила она. – Фигус прав: чтобы при падении получить рану на темечке, он должен был грохнуться с сеновала строго вертикально, как бревно. Значит, его стукнули. Почему – понятно и так. Но кто?

– Кто?.. – лицо Ивана потемнело. – Кому выгодно, конечно!

– Ну, Тис... кабуча старая... подсуетился... – скрипнул зубами волшебник. – Бастард наследует королю... В первый день побоища никто об этом не вспомнил. Кроме него, конечно. Ну и, может, самого Каштана... на свою голову...

– Но тогда мы должны срочно отыскать дочь Дуба – она ведь есть, иначе бы знахарь не отказался нам отвечать! – горячо воскликнул царевич.

– Если Тис уже не нашел ее, – оптимистично прошелестел с изножья кровати Масдай.

– Кабуча!!!.. – стиснул на посохе пальцы чародей, и под потолком разрываемым шелком затрещали мелкие синие молнии.

– Спокойно! – торопливо призвала Сенька, хотя, судя по ее виду, спокойствие сейчас числилось последним в списке испытываемых ею эмоций. – Может, Тис еще и не виноват.

– А кто, кроме него?! – возмущенно, точно это его, а не подлого советника обвинили в убийстве, подскочил лукоморец.

– Ренегаты, – неохотно выдавила Серафима.

– Рене... гаты?.. – нервно пискнула Эссельте и впервые за всё утро и вправду стала похожа на больную. – Но разве они не сбежали... после убийства Дубов?..

– Могли не сразу сбежать, – сумрачно вздохнула царевна, – а сперва пройтись по бастардам. Иначе резня во дворце не имела смысла.

Значение ее предположения опустилось на компанию подобно самой большой и самой тяжелой на Белом Свете могильной плите.

– Значит, все остальные наследники Дуба – тоже на их черной, как кишки вишапа, совети? – угрюмо нахмурился Ахмет.

– Есть такой вариант... – вздохнула Сенька.

– К-кабуча... – только и смог произнести сакраментальное Агафон.

Военный совет сумрачно притих, осмысляя перспективы – вернее, полное их отсутствие.

– ... Пруд зашумел, забурился, и в плескании бурном,
Сколопендрита из недр пруда появилась,
Яростно фыркающая и головою мотая,
Воду пытаюсь изгнать из отверстий прелестных
Тела молодого: из рта, из ушей, носоглотки,
Впадин межреберных нежных и прочих частей организма, —

душераздирающе выводил Кириан, раскачиваясь всем телом и полуприкрыв глаза, и только осознание того, что тисовым подглядатаям и подслушатаям, не привыкшим к вокалу и репертуару Златоуста, сейчас хуже раз в девяносто с половиною, удерживало руки друзей в стороне от горла менестреля.

– Ну так что будем делать? – нарушила затянувшееся молчание Сенька. – Время идет.

– Идет, как тать, крадя кусочки жизни... – рассеянно пробормотал калиф.

– Как насчет пойти к Тису и открыть путь к трону какой-нибудь другой династии? – воинственно набычился Олаф.

– А смысл? – прошуршал Масдай.

– Чувство глубокого удовлетворения? – предположил конунг.

– Нет, мы не можем убивать правителя чужой страны только потому, что он этого заслуживает! – решительно – но, скорее, из чувства политкорректности, нежели от души, возразил Иванушка. – Его нужно судить. А для этого – собрать доказательства...

– А для этого у нас нет времени, – скучным голосом напомнила его супруга, и царевич притих.

– А я полагаю, что каким бы негодяем ни оказался этот лукавый податель советов, наказание его нужно отложить, – калиф поднял взгляд от полы шелкового бурнуса, – потому что в первую очередь необходимо отыскать Наследницу, где бы она ни была.

– Как? – воззрился на него Агафон.

– Если бы мы могли свободно ходить по дворцу, это выяснить было бы легче легкого... – без энтузиазма протянула Сенька.

– А кто нас не выпустит? – грозно приподнялся отряг, и вся его коллекция топоров приглушенно, но радостно звякнула, предвкушая работу.

– Выпустить-то, может, и выпустят, – пожал плечами царевна. – Но вот разговаривать вряд ли с нами кто-то будет. Не сомневаюсь, что Тис уже об этом позаботился.

– Значит, будем разговаривать с тем, кто с нами разговаривать будет, – просто сказал Иван.

– С кем это? – заинтересованно глянули на него друзья.

– С самим Тисом, – сурово сдвинул он брови. – И на этот раз ему лучше рассказать нам всю правду.

– Правду... Ах, правду... Вы хотите правду... – тяжело сощурившись за сплетением тонких пальцев, Тис навалился всем телом на край стола, оперся на локти и замолк, беззастенчиво разглядывая незваных визитеров.

За плечами его на этот раз стояли не офицеры, но два старика в темно-зеленых балахонах с золотыми королевскими гербами на плечах, и взгляды их по дружелюбности могли посоперничать с прожигающим взглядом короля. Между стариками легкой дымкой висела, подрагивая и переливаясь крошечными искорками, тонкая голубоватая сеть. И не было ни малейшего сомнения, кого она должна была накрыть в случае размолвки или демонстрации темперамента, подобных утреннему. От одного ощущения ее присутствия у Иванушки бегали по коже мурашки, а волосы норовили встать дыбом. Быстрый косой взгляд на напрягшиеся мускулы Олафа и нервно играющие желваки Ахмета показали ему, что в своей реакции на неизвестное залятье он был не одинок, и лишь подчеркнуто-безмятежное выражение физиономии Агафона придавало ему спокойствие, необходимое для переговоров с новоявленным королем атланов.

– Ваше величество должны понимать, насколько важной является наша миссия, – снова заговорил Иван, тщательно стараясь не думать о мерцающей сети и о том, что он сейчас хотел бы сделать с этим высокомерным, наглым и уверенным в своей безнаказанности казнокрадом-узурпатором. – И поэтому мы желаем подчеркнуть еще раз, что внутренние дела королевства и вопросы престолонаследия имеют для нас второстепенное, или даже третьестепенное значение. Самое главное сейчас для нас... и не только для нас – но и для вас, для них, – распалаясь, он горячо кивнул в сторону придворных волшебников, – да для всего Белого Света! – найти пятого Наследника... или Наследницу... и поспешить к месту встречи с его премудрым магом-хранителем Адалетом.

Издавательская усмешка прозмеилась по губам Тиса, да так и прилипла.

– Старые страшные сказки про Гаурдака и конец света... или как там ваш премудрый старец именуется грядущее пришествие этого линиялого пугала для детей? Грядущее каждый год на протяжении последней тысячи лет, если я не ошибаюсь, молодые люди? А иногда и несколько раз в году?

– Но на этот раз всё совершенно точно! – не выдержал отряг.

– Он это каждый раз говорит, – насмешливо отмахнулся король. – И вообще, я полагаю, что в Гаурдака не верят теперь даже малыши, которых матери пугают, чтобы те съедали всю кашу.

– Плохо пугают, – набычился Олаф.

Гвардейцы у окон и стен схватились за мечи и арбалеты.

– О, без сомнения! – закинул голову и искренне расхохотался Тис. – Если бы съесть кашу с рассказкой про Гаурдака меня заставлял кто-нибудь вроде вас, ваше величество, я бы пообещал питаться только ей до конца жизни – и, клянусь, сдержал бы обещание!

– Как насчет пообещать питаться до конца жизни чем угодно, и просто рассказать про наследницу Дуба? – ласково улыбнулась Серафима.

– Дались вам сегодня страшные сказки, ваше высочество... – вновь посерьезнел и брезгливо поморщился атлан.

– Почему страшные? – недоуменно поднял брови домиком Ахмет.

– Потому что особа, которую вы вздумали сейчас искать, уже недели три как покоится на городском погосте, – терпеливо вздохнул Тис.

– Так ты уже и её!.. – взревел было конунг, рука его метнулась к топору, сеть взмыла к потолку, мечи выскользнули из ножен, посох вспыхнул пронзительной синевой...

Резкий удар сенькиного локтя под ребра успел оборвать тираду, после которой надо было или предьявлять доказательства, или пробиваться из кабинета и дворца с боем.

– Вы уже и ее обнаружили, хотел сказать наш друг, – галантно улыбаясь, пояснила царевна. – Невероятная расторопность и забота о соблюдении закона просто поражает его и всех нас!

– И откуда упала *она*? – отряг угрюмо зыркнул на Тиса из-под рыжих бровей.

– Я не знаком с подробностями ее смерти, но, кажется, с причала, – холодно проговорил король, обвел неприязненным взглядом гостей и подал знак атланам.

Мечи вместе с сетью медленно вернулись на места, посох Агафона так же медленно потух, снова превращаясь в ничем не примечательную с виду палку, и горячая международная напряженность повторно плавно перетекла в состояние холодной войны.

– После трагической гибели их величеств и неожиданной кончины бастарда Каштана первым и единственным вопросом, интересовавшим меня, как вы понимаете, было наличие других бастардов, – подчеркнуто ровным голосом заговорил Тис, и единственным признаком пережитого – или переживаемого волнения были его пальцы, непроизвольно то сводящиеся в замок, то расплетающиеся и соприкасающиеся кончиками.

– Понимаем, – абсолютно искренне подтвердил Иванушка.

– Ну так вот. Я и мои доверенные лично опросили придворных и прислугу, архивариусы подняли свои бумаги – хотя как раз это-то ничего и не дало... Но в конце концов, общими усилиями мы всё же нашли еще одну Наследницу. По слухам и домыслам, абсолютно бездоказательным, заметьте! – кухарка Вишня была внебрачной дочерью короля. Естественно, как лицо, самое близкое к его не в добрый час покойному величеству, я тут же бросился на кухню, потом в ее комнату... Кухарки не было нигде, и никто не мог сказать, куда она подевалась. Я приказал страже отыскать ее незамедлительно, перевернуть вверх дном весь дворец, весь город, всё королевство, если понадобится!.. Но не понадобилось. Дня через три портовое начальство доложило, что в затоне найдено тело неизвестной женщины. Тело и лицо ее... простите за неприятные подробности... были попорчены рыбами и раками... но ее приятельницы по одежде и кольцу опознали Вишню. Уже знакомый вам лекарь Фигус научно подтвердил, что бедняга упала в воду, захлебнулась и утонула.

А вот это был конец.

Антигаурдаковская коалиция стояла потрясенная и обескураженная, не в силах не то, что задавать вопросы, но и обменяться взглядами. Ниточка – единственная ниточка, связывавшая их с последней надеждой, оборвалась в их руках и уплыла по течению Атланы, как осенняя паутинка. Если Тис говорит, что последняя Наследница мертва...

Ему в этом вопросе можно доверять.

– Если я удовлетворил на сегодня ваше любопытство, милостивые государи и государыня?.. – учтиво склонил голову король, и гвардейцы за их спинами как по команде шагнули к дверям и распахнули резные дубовые створки.

Друзья переглянулись беспомощно, пытаясь продумать если не выход из безвыходной ситуации, то хотя бы свои дальнейшие действия.

Ходить по дворцу и городу, опрашивая людей, не имеет ли кто сведений про какого-нибудь королевского бастарда? Но после двух похорон за несколько дней на бастарда укажет разве что его враг... которого тоже еще надо найти... И сколько на это уйдет времени? И где гарантия, что найденный человек – или люди – будут действительно потомками Дуба? Цена сомнений и ошибок в этом вопросе может быть слишком высока.

Конечно, про истинность Наследников, или хотя бы о том, где их искать, и остались ли они вообще, можно будет спросить у горных демонов, их друзей... Но всё ли они еще там

живут, и если да, то как вызвать их из обители под толщей скал? Обычно они обращают внимания на людей не больше, чем сами люди – на мух, ползающих по крыше их дома...

А если деда и внука на старом месте не окажется?

Даже не погруженный – утонувший в гнетущих раздумьях Иван не сразу расслышал, что Тис заговорил снова.

– ...но, конечно, выбор остается за вами: спешить к его премудрию Адалету или отдохнуть в нашем гостеприимном городе хоть денек, прогуляться по его улицам, осмотреть достопримечательности. Поющие фонтаны – каждый час новая песня, репертуар обновляется раз в неделю... Музей становления королевства – с панорамой семи битв, все фигуры оживляются двадцатью магами-аниматорами... Бои големов – очень популярное развлечение, правда, в основном, у среднего класса и ниже, но прибывающие впервые купцы и посланники считают их весьма оригинальными тоже... И, кстати, не забудьте побывать в порту – просто невероятно, какие огромные суда приходят к нам после углубления фарватера на отрезке всего в полтора километра! Вы не поверите, сколько магов в течение трех месяцев поработало над этой, казалось, пустячной задачей! И сколько это стоило казне... Уверен, что на эту сумму можно было бы обставить деревянной мебелью все портовые кабаки!

– Что?.. – растерянно сморгнул Иванушка.

– Я говорю, что если вы останетесь отдохнуть на день-другой после дальней дороги, то не пожалеете ни о секунде потраченного времени, – несколько суше повторил приглашение задетый невниманием Тис. – В конце концов, день туда – день сюда при ваших обстоятельствах не решает ничего, а отдых после долгого пути – вещь незаменимая.

Иван оглянулся на товарищей, поймал их угрюмые взоры, полные невысказанных мыслей, а больше – обвинений, и вежливо покачал головой:

– Благодарим за предложение, ваше величество, но...

– Но вы не представляете, с каким интересом и желанием мы готовы воспользоваться предоставляемой возможностью! – с цветущей улыбкой вынырнула из-за его спины царевна. – Всегда мечтала осмотреть ваш чудесный город – ведь ему еще и ста лет нет, а сколько уже удивительных построек, чудесных зданий, монументов и даже скверов! И мои друзья тоже горят от нетерпения!..

– Сеня!.. – ошарашенно вытаращил глаза лукоморец.

– Даже мой суровый супруг как-то упоминал об этом, хотя дела и обязанности постоянно отодвигают приятные моменты путешествия! – лицо Серафимы лучилось невинной радостью и восторгом, освещая мрачноватый кабинет монарха Атланды. И даже настороженные чародеи за спиной короля, проинформированные о степени опасности каждого из бойцов маленького отряда, почувствовали себя виноватыми перед такой искренней и бесхитростной девушкой.

– О светоч мудрости, но...

– Ахмет, не будь таким нетерпеливым, – капризно скривила губы царевна. – Гаурдак от нас никуда не денется... или мы от него... а подобная возможность предоставляется иногда раз в жизни! Разве это не прекрасно – путешествовать по Белому Свету, узнавать про другие народы, про их культуру и диковинные обычаи!

– Ну... если ты так полагаешь... – развел Амн-аль-Хасс пухлыми руками, соглашаясь.¹⁴

– Значит ли это, что ваши величества и ваше высочество принимают мое приглашение?

Иванушка мог бы поклясться, что в голосе Тиса прозвучало не только удивление, но и облегчение, и в честной душе его моментально вспыхнула непрошенной искрой неприязнь:

---

¹⁴ Хоть и привык, как и многие другие государи, что это другие народы, предусмотрительно оставляя диковинные обычаи дома, приезжали в Шагг-аль-Шейх вместе со своей культурой, а заодно и товарами, не требуя от его правителя ни малейших усилий по перемещению в пространстве.

«Думает задобрить нас... подлизаться... минуты бы лишней здесь не оставался!.. Надеюсь, Сеня знает, что делает».

– Принимают, принимают, – с преувеличенным энтузиазмом кивнул Олаф, за несколько недель научившийся полагаться на хитрость и чутье лукоморской царевны, и даже попробовал изобразить на зверски нахмуренной физиономии умиротворение и простодушие.¹⁵

– Но у нас есть одна просьба, ваше величество, – будто спохватившись, Серафима вскинула на короля озабоченный взгляд.

– Да, конечно, любая, вы мои гости, – расплзлась по бледному лицу галантно-непроницаемая улыбка придворного со стажем.

– Когда мы отправимся на осмотр достопримечательностей, ее высочество Эссельте захотела бы присоединиться к нам, я это знаю совершенно точно, – заговорила было царевна, но нерешительно смолкла, точно в ожидании отказа.

– Я был бы только рад, – дружелюбно сообщил король и устремил на гостью выжидательный взгляд: что дальше?

– Но, видите ли вы, ваше величество... дело в том, что ее состояние вызывает у нас опасение... – продолжила Сенька. – Поэтому, если бы было возможно отправить с нами... вернее, с ней, вашего самого лучшего и самого опытного придворного знахаря, во избежание неприятных неожиданностей, так сказать... ну, вы понимаете...

Тис понял.

– И я даже догадываюсь, кого вы имеете в виду, – улыбка его неуловимым образом потеряла даже ту немногую любезность, которую ему удавалось вкладывать в нее до сих пор.

– Ваша проницательность иногда просто пугает меня, – сконфуженно зарделась Серафима.

Король усмехнулся.

– Ваше высочество мне льстит. Насколько мне известно, вам есть кого бояться, кроме старого калеки.

– Так значит, лекарь Фикус станет сопровождать ее высочество Эссельте Златокудрую в прогулке по Атланик-сити? – поставил вопрос ребром лукоморец, потеряв терпение от придворных маневров, всё больше напоминавших ему танец с саблями.

– Да, конечно, – искусно скрыв усмешку в адрес нетерпеливой юности, кивнул Тис. – Ему передадут мой приказ, и он присоединится к вам – как лекарь. Гидом же выступит мой сын, принц Рододендрон. Если бы не болезнь, я сам был бы счастлив познакомить вас со столицей моего королевства, но увы...

– Доброта вашего величества не знает границ, – с благодарностью сложил на груди руки калиф.

– Как говорил мой дед, иногда даже очень маленькое проявление доброты может иметь очень большие последствия, – куртуазно склонил в ответ голову король. – Желая приятной прогулки.

Приятная прогулка началась сразу после обеда.

Еще в столовой комнате – небольшом, увешанном натюрмортами и сценами охоты зале – антигаурдаковской коалиции был представлен молодой человек лет двадцати пяти, со светлыми волосами до плеч, серыми глазами и надменной физиономией, которой он время от времени, словно спохватившись, старался придать любезное выражение. Попытки его вознаградились успехом, как правило, минут на пять, не больше, а потом тонкие и правильные черты его как-то незаметно, сами собой возвращались в более привычное им положение.

Улыбка на тонких, снисходительно изогнутых губах атланского принца расцветала широко и привольно при виде лишь одного человека из дружной компании, но и ту каждый раз

---

¹⁵ Результаты заставили магов за спиной короля снова схватиться за свою сеть.

он спешил упрятать за краем бокала или поднесенной ко рту вилкой.¹⁶ И только при взгляде на Эссельте в насмешливых глазах наследника престола появлялось нечто, похожее на неподдельный интерес.

Когда трапеза была окончена, гости и хозяин вышли во двор, где их уже ожидала открытая коляска, конюхи с оседланными конями в поводу и Фигус. Королевский медик теребил в руках походный саквояж со снадобьями и нервно переминался с ноги на ногу – то ли готовый по малейшему сигналу бежать впереди кавалькады, то ли в противоположную сторону. Но сигнала не поступило, и с видом великомученика лекарь взгромоздился на шелковые подушки между Серафимой и Кирианом напротив принцессы – и пренебрегшего приготовленным для него жеребцом Агафона. Примеру друга едва не последовал Олаф, но последней каплей, удержавшей его от этого решения, стала язвительная ухмылка Рододендрона, хоть и дипломатично – и очень благоразумно – обращенная к розовым кустам вдоль дороги.

Крякнув решительно, словно шел на abordаж, а не на конскую спину, отряг водрузился в седло, поправил топоры за спиной и по бокам, ободряюще похлопал по холке едва не присевшего коня¹⁷ и гордо приосанился:

– Ну и где тут ваши эти... доско... примечательности?

Губы Рододендрона предательски дрогнули и сжались.

– Надеюсь, ваше высочество, мы поедем не торопясь, чтобы успеть насладиться видами Атланик-сити? – поспешил с вопросом Иванушка, стремясь оградить друга от дальнейших испытаний, а принца – от тяжких телесных повреждений, случись его улыбке прорваться сквозь напряженную гримасу задумчивости.

– Да, конечно, ваше высочество, – шумно выдохнул сын Тиса, сосредоточенно изучая луку седла. – Если бы время позволяло, я показал бы вам весь город, до последнего его уголка и закоулка, чтобы вы могли ощутить его дух и обаяние, но, увы и ах... Поэтому вашим глазам предстанет только самое удивительное и примечательное, хоть понаслышке, да известное всему миру.

Иван с грустью пришел к выводу, что он, похоже, и впрямь не от мира сего, как часто утверждала Серафима: не только понаслышке, но и даже после пребывания в Атланик-сити он никаких интересностей в нем не нашел. Но принца Атланды такие мелочи, как молчащий гость, не остановили, ибо перед возможностью похвастаться любимым городом, в одночасье ставшим его собственностью, мало бы кто устоял. Рододендрон исключением не был. По его знаку кучер прищелкнул кнутом над спинами двух белых лошадей – под цвет золотой коляски, инкрустированной шпоном снежного дерева – и кавалькада тронулась, готовая к получению новых знаний и впечатлений.

– Страна, как и город, зародилась около ста лет назад, и с тех пор выросла, нашла свое место в мире и возмужала. Но богатейшие залежи железной и медной руды самого высокого качества попали в руки наших предков не так легко... – наследник короны заговорил как заправский экскурсовод. И впервые за сорок минут их знакомства лицо его выражало не усталую снисходительность взрослого к кучке слабоумных ребятишек, но настоящую гордость.

Мягко постукивая колесами по булыжной мостовой, королевский экипаж выкатился из ворот на проспект перед дворцом и повернул направо. За ним последовали и всадники – Олаф и Ахмет у правого бока, принц с Иваном – у левого.

Роскошные экипажи с разряженными дамами и бравые кавалеры на вороных жеребцах с крашенными белым гривами и хвостами неспешно двигались по широкой улице двумя встреч-

---

¹⁶ Да, Олаф до сих пор считал, что боги Эзира дали человеку руки, а не вилки потому, что руками есть удобнее.

¹⁷ Не менее своего седока в этот момент пожалевшего, что принц по природе своей был так ехиден.

ными потоками. Седоки, пассажиры и пестро одетая публика на тротуарах то и дело весело перекликались, раскланивались и обменивались приветствиями.¹⁸

От ярких костюмов праздных гуляк на фоне многокрасочных мраморных стен рябило в глазах. Полуденные солнечные лучи отражались от позолоты карет и начищенных до блеска медных барельефов и кариатид на фасадах дворцов, рассыпались на слепящие искры в струях фонтанов и игривыми бликами плескались на воде их мраморных чаш. Глухой перестук колес и звонкий – копыт сливался с беззаботными голосами и смехом в неровный гул, причудливым радостным эхом кувыркаявшийся между каменными стенами, каменной мостовой, каменными оградами и каменными арками и виадуками города, и друзьям иногда начинало казаться, что это не люди, но сам Атланик-сити разговаривает, смеется и дышит. Что холодная плоть гранита, булыжника и мрамора, вырванная когда-то каменотесами у Красных гор, оживает под прикосновением атланов, ставших ее кровью, душой и духом.

– Неплохо, – разглядывая проплывавшие мимо тротуары и дома, Ахмет склонил набок прикрытую походной куфьей голову. – Но зелени маловато.

– Маловато?!.. – изумленно расхохотался Рододендрон. – Многовато, вы хотели сказать, ваше величество?

– Нет, ваше высочество, я хотел сказать «маловато», и сказал «маловато», – калиф недовольно прищурил на принца подбитый глаз.

– Тысяча извинений, ваше величество, – завитые локоны на мгновение закрыли склоненное в театральном жесте раскаяния лицо наследника Тиса. – Но, очевидно, вам и вашим друзьям неизвестно, что на земле Атланды, скудной и каменистой, деревья не растут вовсе. Максимум – низкие корявые кусты, и то не везде. Поэтому все деревья, что вы видели в королевском парке и на улице, были привезены из дальних краев, причем вместе с землей, чтобы они могли расти как у себя дома.

– Но... сколько земли нужно, к примеру, дубу! – ошеломленно округлила глаза Эссельте. – А какая яма?.. Я читала, что корневая система дерева по величине равна его кроне!

– Вот теперь вы понимаете всю сложность проблемы озеленения Атланик-сити? – галантно улыбнулся Рододендрон. – Поэтому дерево – и деревья – так редки в нашем королевстве, и ценятся дороже многих металлов, почти наравне с золотом, платиной и аль-юминием, а наши родители называют детей в честь деревьев. Если за оградой какого-нибудь дома вы увидите сад, или заметите дерево у входа, знайте, что здесь живут чрезвычайно обеспеченные люди. Отсюда же – каменные стражи деревьев в нашем парке: Дуб Первый относился к молодым саженцам чрезвычайно трепетно.

Путешественники вспомнили королевскую приемную, обозванную сгоряча дровяным складом, сломанную черемуху и устыдились.

– Но древесину ведь можно доставлять не только обозами, но и по реке, – при словах «редки» и «ценятся» практичный ум Сеньки тут же начал разработку коммерческого проекта. Гаурдак Гаурдаком, а торговля по расписанию.

– Да, можно, но если учесть еще и то, что почти все продукты мы тоже вынуждены завозить из-за границы, а Атланка в верхнем течении недостаточно полноводна, чтобы принимать большегрузные барки... – принц сокрушенно развел руками, – то выбор купцов – и покупателей – всегда оказывается в пользу еды, а не украшений.

– Значит, у Атланды мало продовольственных запасов? – озабоченно нахмурился Иван. Рододендрон пожал плечами.

– Полагаю, на складах хранится зерна и круп месяца на два. Но если вдруг у наших поставщиков приключится неурожай или война, или еще какая напасть, то атланы могут или

---

¹⁸ И – в случае кучеров – беззлыми ругательствами по адресу «этого слепого болвана, который прет поперек дороги на своем рыдване и не видит, что тут люди едут».

выйти из шахт, кузней и плавильных и заняться земледелием, осваивая степные земли, или – если дело к лету – заняться охотой.

– На караваны с продовольствием, идущие мимо? – предположил Кириан.

– На менестрелей, несущих всякую чушь, – ласково улыбнулся принц. – А когда таковые повыведутся, то на саблезубых козлоногов.

– На... что?.. – недоуменно склонил голову набок чародей, думая, что ослышался.

– На саблезубых козлоногов, – старательно повторил наследник короны. – Это такие хищные овцы с маневренностью горной козы. Не деликатес, но есть можно. Зимой они живут в горах, питаются носоглотками, но к весне самки – носоглотки – зарываются под камни откладывать и высидывать яйца, самцы уходят за ними, и козлоноги спускаются в степи – выводить свое потомство. При этом они отбрасывают клыки и питаются травой. До поздней осени, пока молодые и старые носоглоты не вернутся из-под каменной толщи.

– Чрезвычайно познавательно!.. – дивясь, покачала головой гвентянка, силясь – и понимая, что не может – представить себе ни хищных овец, ни их продукты питания.

– О, кстати, о познавательности! – спохватился Рододендрон. – Я же был должен рассказывать об истории страны, а не об ее продовольственных трудностях!..

Чтобы перекрыть уличный шум и быть услышанным не только теми, кто находился рядом с ним, но и дальним концом аудитории, ему теперь приходилось кричать едва ли не в полный голос, склоняясь при этом почти над самыми пассажирами. Но даже это не смогло остановить его от вдохновенного пересказа событий лет давно минувших.

– ...отец Дуба Первого и его приверженцы – переселенцы из изгнавшей его род Сикандры наткнулись на это суровое, но прекрасное место... – оживленно жестикулируя свободной от поводьев рукой, рассказывал он в опасном полунаклоне, от одного вида которого отряг нервно хватался за луку седла обеими руками.

– ...И то, что тут разбивали свои станы дикари, рыскали горные демоны и охотились трехголовые Змеи, соскучившихся по оседлости скитальцев не остановило. Это была великая эпоха, время фантастических свершений и триумфов, и я счастлив, что и мои предки заняли не последнее место в пантеоне героев. Мой прадед Ясень Молотобоец сражался с демонами рядом с самим Дубом и, как гласит семейная легенда, в одном из сражений единолично раздробил три десятка! – голос Рододендрона торжественно возвысился, перекрывая на несколько мгновений даже гул людной улицы.

– С дуба падали листья ясеня... – пробормотал Кириан, вдоволь наслушавшийся от Ивана и Агафона описаний горного демона в расцвете сил, и добавил невинно – в порядке пояснения своей мысли: – Ничего себе, ничего себе...

Волшебник и Серафима прыснули. Принц, не расслышавший комментария, но догадавшийся о его сути, вспыхнул, скрипнул зубами, рука его сжалась в кулак...

– А сколь велика была армия демонов, ваше высочество? – обезоруживающе вскинула на него голубые глаза Эссельте, и взбешенная гримаса Рододендрона сама по себе растаяла и перетекла в любезную ухмылку.

– Пока ваш стихоплет не вмешался со своей туповатой остротой, ваше высочество, я собирался сказать, что всего их было десять тысяч – огромных кровожадных тварей.

– Горные демоны не едят людей, – не задумываясь о последствиях, автоматически проговорил Иванушка. – А всего их на Белом Свете – несколько десятков маленьких семей.

– А вам откуда известны их кулинарные пристрастия и популяция? – насмешливо прищурился сын Тиса.

– Я...

– Мы читали «Регистр монстров» Мэрхенвальда, – нашел, что соврать чародей, быстрее, чем Иван – как рассказать правду.

– Никогда не слышал о таком! – фыркнул принц, презрительно запрокидывая белокурую голову. – Эти иностранцы обожают писать о том, о чем представления не имеют!

– То есть, дерево правды произрастает лишь на листьях фолиантов атланских летописцев? – витиевато уточнил калиф.

– Именно. Иноземцы пристрастны и поверхностны, и лишь атлан может правдиво рассказать о своей истории. Но, кажется, мы отклонились от темы. Простите вашего покорного, но не в меру глупого и болтливого слугу, – и Рододендрон, смиренно склонив голову, кивнул на Кириана.

Тот собирался что-то ответить – Сенька прочла это по глазам – и поторопилась показать исподтишка менестрелю кулак. Поэтому гневно-ядовитый экспромт в адрес высокородного выскочки услышали только сидящие ближе всего к нему Агафон и Фикус:

В этом каменном мешке
Есть один цветок в горшке.
От кого же родом он?
Не от Дуба вроде.
Звать его Рододендрон,
Тисово отродье.

Но столь ограниченная аудитория настроения Кириану не повысила тоже, и остаток пути до музея битв друзьям пришлось терпеть не только выпревшее славословие атлана, но и кислое недовольство барда.

И не иначе, как от этого, у Эссельте постепенно разболелась голова.

Когда гости поднимались по ступеням к залу с первой панорамой, гвентянка покачнулась и ухватила за руку Серафимы. На встревоженные вопросы спутников она, легкомысленно улыбаясь, отшутилась, и даже проделала несколько танцевальных па под осуждающим взглядом лекаря и заинтересованным – принца. Но едва первые фигуры – гвардия молотобойцев в бордовых доспехах и с молотами, которые одобрил бы даже Рагнарок, двинулись к перевалу, где их уже поджидал отряд горных демонов, как принцесса тихонько простонала и вцепилась в предплечье Фикуса.

– Что с вами, ваше высочество? – одно и то же восклицание вырвалось одновременно из уст наследника короны Атланды и его слуги.

– Мне... что-то нехорошо... – пробормотала Эссельте и впиалась в рукав знахаря еще крепче. – Перед глазами все плывет... когда голову поворачиваю... Я бы... присела сейчас... на свежем воздухе...

– Мы выходим! – решительно нахмурился Рододендрон и повелительно возвысил голос, перекрикивая музыку. – Эй, кто там! Прекра...

– Нет-нет, что вы, ваше высочество, не стоит так тревожиться, это всего лишь спертый воздух, всё будет хорошо!.. – принцесса замахала на него рукой. – Не нужно прерывать показ такой увлекательной истории! Мои друзья с удовольствием посмотрят представление!

– Реконструкцию, ваше высочество, – вежливо поправил венценосный патриот.

– Да, и ее тоже, если она тут имеется, – рассеянно кивнула принцесса, томно поднося ладонь ко лбу, и все занудство моментально слетело с атлана, уступая место беспокойству.

– Если вашему высочеству дурно, мы можем вернуться во дворец!

– Нет, что вы, совсем нет! Не настолько дурно, я хотела сказать...

– Мы с Эссельте и вашим лекарем, если никто не против, выйдем, присядем на скамеечке, – вступила в разговор Серафима. – А вы продолжайте смотреть. Вань, запоминай, потом расскажешь.

– Можем даже показать в лицах, – подмигнул отряг. – Чур, я – горный демон!

– Не пойдет, – уже выводя гвентянку из зала, мотнула встрепанной шевелюрой Сенька. – По сценарию люди выигрывают.

Королевский лекарь потащился за гостями с видом приговоренного к съедению ротой демонов. Даже не оглядываясь, затылком, он чувствовал на себе сверлящий взгляд наследника атланского престола и тоскливо гадал, а не гуманнее ли было бы и вправду отдать его на растерзание горным монстрам или даже Змеям.

Через пять минут и четыре огромных лестничных пролета девушки и атлан вышли из-под купола гигантского – с лукоморскую ярмарочную площадь – музея, и не спеша направились в прилегающий скверик, где вокруг медного фонтана хороводом расположились литые скамьи, кованые деревья и развесистые латунные фонари.

– Вашему высочеству необходимо прилечь и закрыть глаза, – отважно заговорил Фигус, едва монаршьи дочки пристроились на нагретой солнцем чугунной скамье. – Поэтому я бы рекомендовал немедленно перейти в карету.

Сенька метнула косою взгляд в сторону их снежно-золотого ландо с задремавшим кучером на высоких козлах, и согласно кивнула.

– Да, конечно. Сейчас моя подруга отдохнет чуть-чуть, придет в себя – и мы непременно выполним ваше предписание, мастер Фигус.

– Я хотел бы, чтобы это произошло как можно скорее, – честно признался лекарь, сосредоточенно разглядывая оббитые носки своих сапог.

– Я тоже, – вздохнула царевна. – Поэтому, уважая наше время и ваше понимание момента, давайте не будем ходить вокруг да около, а просто выясним, почему вы солгали королю, когда опознавали злосчастную утопленницу.

– Что?! – знахарь отступил на шаг, брови его от возмущения и изумления поползли вверх, а короткие пухлые руки судорожно прижались к груди, точно Сенька нацелилась вырвать ему сердце. – Ваши высочества ошибаются, или кто-то злонравный нашептал им обидный поклеп на меня! Я, как придворный лекарь и покорный слуга его величества, не имел права ему солгать!

– Мастер Фигус, – Серафима терпеливо склонила голову чуть набок и сочувственно заглянула ему в глаза. – Я же не спрашиваю, имели вы на это право или нет. Я всего лишь хочу узнать, почему. Ну и заодно, где сейчас Вишня и действительно ли она – наследница Дуба.

Доктор упрямо замотал головой.

– Нет, ваше высочество. Мне не хотелось говорить так... но вы ошибаетесь. Вишня умерла. Утонула. Упала с причала, ударилась о камни головой и захлебнулась. Готов подтвердить это как профессиональный лекарь любое количество раз. И состояла ли она в родстве с королем или нет, мне не известно. Простите, если я не смог помочь вам или обманул ваши ожидания...

– Но Фигус, миленький, пойми, что это не наша прихоть, мы понимаем, что теперь все кровные родственники прервавшейся династии в смертельной опасности, но мы ищем Вишню не ради любопытства, и не для того, чтобы предать ее в руки Тиса! – пылко подалась вперед принцесса и схватила за руку отступившего еще на шаг атлана. – Гаурдак восстанет через пять-шесть дней, и если все Наследники Выживших не соберутся вместе...

– Простите, ваше высочество, – мягко, но решительно врач вытянул куцые пальцы из ладошек Эссельте. – Я не знаю, для чего вы ищете покойницу, но позвольте сообщить, что ни в какого Гаурдака я не верю уже лет пятьдесят, равно как и в бубу подкроватного, и в подземного стрекалу, воруящего непослушных детей, и в тихогрыза, который прячется за раскиданными игрушками и поедает их... Если у вас имеются иные мотивы, которые вы не хотите раскрывать ничтожному костоправу – дело ваше, я не могу и не хочу претендовать на знание тайн сильного мира сего, долгая жизнь и крепкий сон мне еще дороги... Но и ради них я не могу сказать, что мертвый человек жив. И оживить его мне тоже не под силу.

– Но если Вишня так мертва, как ты пытаешься это представить, – вкрадчиво заглянула ему в глаза Серафима, – то отчего ты смутился и улизнул из комнаты, когда мы про нее спросили?

– Я?.. – Фикус вздрогнул и побледнел, и казалось, что еще секунда – и он снова побежит от них прочь...

– Да, – терпеливо кивнула Сенька. – Ты.

– Я... – лекарь замялся, бросая на лестницу музея панические взгляды, точно оттуда должно было появиться – и никак не появлялось – его спасение. – Я... Да, я смутился. Потому что я знал ее. Вишню. При жизни.

– Так ты, наверное, знаешь и про ее отца? – загорелись надеждой очи принцессы.

– Нет, не знаю, – снова замкнулся и попятился знахарь. – Всякое болтают глупые языки. Болтать не запретишь.

– И ты ее совершенно точно опознал? – лекарь не заметил, как Сенька оказалась рядом с ним и нежно, но крепко подхватила его под руку, пресекая на корню возможные демарши допрашиваемого. – Без сомнений?

– Без единого сомнения, – убежденно произнес атлан. – Это была она.

– Мы тебе не верим, – тихо, но твердо проговорила Серафима. – Ни единому твоему слову.

– Воля ваша, – нахохлился знахарь и сосредоточенно уставился на свои стиснутые в замок пальцы. – Я не могу указывать особам королевской крови, что им думать и кому верить.

– Ты знаешь, мастер Фикус, – задумчиво продолжала царевна, точно не слыша его, – у меня бабушка – колдунья. И я от нее кое-чему научилась.

– Не мне указывать... – снова начал было медик, но голос его на этот раз еле уловимо дрогнул.

– Например, я научилась от нее распознавать, когда мне говорят правду, а когда врут.

– Я – королевский лекарь. Я не имею права лгать... – монотонно и упрямо бубнил Фикус, не поднимая глаз.

Щеки его покрылись красными пятнами, на лбу выступила испарина, пальцы беспокойно шевелились, словно он пытался помыть руки или стереть с них что-то невидимое...

Серафиме его стало жалко. Наверное, эта Вишня была... или до сих пор... ему дорога. Наверное, если кто-то узнает, что она не умерла, ей и впрямь грозит смертельная опасность. Но если *они* не узнают, жива она или нет, и где находится, то смертельная опасность грозить будет уже всем – и не наверное, а точно.

Буба подколодный... или как он там... надо же такое придумать... Бедные маленькие атланчики...

Она хмыкнула, но тут же взяла себя в руки, отбросила шевельнувшееся с новой силой сочувствие и безжалостно продолжала, ощущая на себе и на лекаре смятенный и сострадательный взгляд принцессы, чувствующей и понимающей то же, что и она.

– Так вот, когда человек обманывает, колдунья... или ее ученица... – холодным ровным голосом выговаривала царевна, пристально глядя куда-то мимо его левого уха, – видят, как на его левое плечо садится брехун.

У Фикуса перехватило дыхание, голова его дернулась налево, словно выполняя армейскую команду...

Выдавая его с головой.

– Мастер Фикус. Мы клянемся, что никто из рода или придворных Тиса не узнает о Вишне ничего, – тихо, но твердо произнесла Серафима и заглянула врачу в опущенные глаза. – А еще мы клянемся, что Гаурдак – не шутка и не страшилка для детей. Дуба убили те, кто хочет возвращения Пожирателя душ на Белый Свет. Мы встречали их, они пытались покончить и с

нами, но наш маг спас нас. Ваш Бересклет не смог сделать того же для своего короля и для себя. Но когда Гаурдак восстанет, то уже все чародеи вместе взятые не смогут его усмирить.

– Я не знаю, кто убил короля. Я не знаю, кто убил Вишню. Я не знаю, жива она или нет... – почти не соображая, что говорит, припертый к стене знахарь дрожал, но не сдавался.

Сенька мысленно взвела, сжала кулаки, чтобы пальцы невзначай не сомкнулись на горле непреклонного медика, вскинула голову, лихорадочно отыскивая взглядом маячившее на юге черное облако, чтобы предъявить его в качестве доказательства, но высокие дома скрывали горизонт.

Кабуча... как нарочно!..

– Мастер Фигус, умоляем вас, скажите!!! – взмолилась гвентянка, чуя, что момент истины ускользает на глазах. – Это вопрос жизни и смерти! Нас всех! Мы не причиним ей вреда! Пока не поздно, мы заберем ее, и если она пожелает, то никогда не вернется сюда! Я могу предложить ей дом в королевстве моего отца, да любой из нас предоставит ей убежище в своей стране и скроет ее тайну, если она пожелает, я знаю! Пожалуйста!..

Борьба эмоций отразилась на одутловатом растерянном лице лекаря, и девушки затаили дыхание, боясь спугнуть удачу... Но улетела она не от дыхания – от звука быстро приближающихся шагов и голосов.

– Ваши высочества, что происходит? – долетел до них удивленный вопрос Рододендрона.

Все трое обернулись, сознавая, какую странную группу они, должно быть, представляли сейчас для глаз возвращающихся из музея: царевна держит лекаря за одну руку, принцесса – за вторую, а цвет физиономии самого доброго медика наводит на мысли о хамелеоне, севшем на мухомор.

Понял ли сын Тиса, о чем шел разговор в его отсутствие или нет, но беспокойство на его лице сменилось в молниеносной последовательности настороженностью, подозрительностью и злорадством. Последнее – не иначе, как при виде кислых мин девушек.

– Вы... уже?... – растерянно пробормотала Эссельте, отдергивая руки от доктора, словно тот превратился в горного демона.

– А вы? – ехидно улыбнулся принц.

Впрочем, и злорадство на его правильных чертах прогостило недолго, уступив место показному негодованию.

– Этот бездельник манкирует своими обязанностями? Хотел сбежать? Обидел вас? – грозно сошлись над переносицей брови принца, и он ткнул длинным тонким пальцем в пухлую грудь врача. – Не защищайте каналью, ваши высочества. Таких, как он, нужно держать в узде, чтобы знали свое место!

– Нет, что вы, ваше высочество, никто нас не обижал, мастер Фигус – душка!.. – растерянно зашебетала гвентянка.

– Просто он хотел пойти за каретой, чтобы немедленно отвезти Эссельте обратно во дворец, а мы его отговаривали – ее высочество на свежем воздухе почувствовала себя гораздо лучше и хотела бы продолжить осмотр города во что бы то ни стало! – экспрессивно развела руками Сенька.

– Со мной ничего не случится, это была минутная слабость! – пылко подтвердила гвентянка.

– Кто знает, кто знает... Неожиданности подстерегают нас на каждом шагу... Иногда даже падение с ковра может привести к демону знают каким последствиям! – многозначительно глянул на нее Рододендрон. – Не понимаю, ваше высочество, как ваш отец мог отпустить вас в такое опасное путешествие одну!

– Я не одна! – гордо выпятила нижнюю губу Эссельте. – Я с Кирианом!

– Ах, да... – понимающе закивал атлан. – Мне не пришло в голову, что на Белом Свете бывают вещи похуже одиночества...

И, не обращая внимания на барда, пытающего отобрать у отряга один из его топоров, продолжил:

– Но с молодым человеком, которому обещана рука и сердце вашего высочества, было надежнее, я полагаю.

– Да, конечно... – вздохнула и зарделась принцесса. – Но он не смог полететь. Он был ранен в битве накануне.

– Ваш жених – прославленный воин? Герцог? Граф? Эрл? Принц?

Разочарование на физиономии Рододендрона было заметно не вооруженным топором взглядом.

– Мой жених – придворный лекарь, – объявила принцесса и выразительно посмотрела на Фикуса.

Если сей факт не растопит сердце упрямого эскулапа, его не растопит ничто.

Наследник Тиса изумленно моргнул, запрокинул голову и вдруг расхохотался, вспугивая присевших на медный бук воробьев. Глаза гвентянки сердито вспыхнули, буравя нахала, брови ее друзей сошлись недовольно, и только Сенька с непониманием и удивлением заметила, как по лицу врача пробежала странная сумрачная тень, губы прошептали беззвучно два коротких слова: «всё», и то ли «лошадь», то ли «дождь», то ли иное, похожее на оба этих вместе взятые... И шестым чувством царевна вдруг поняла, что если раньше знахарь был готов рассказать про Вишню, то теперь они могли резать его или рубить на куски топорами Олафа – и не добиться ни слова, ни намека.

К Арене экскурсанты прибыли в самом конце тура.

Кавалькада лихо промчалась по роскошной набережной, незаметно перешедшей в портовую зону, свернула почти у самых пристаней вглубь застроенного невзрачными зданиями квартала, заставляя оборачиваться и шарахаться матросов, грузчиков и прочую прибрежную публику, и остановилась в клубах пыли и щебенки у приземистого каменного сооружения, видом своим напоминающего шапито. У его полуоткрытых дверей толпились люди, нетерпеливо и раздраженно гомоня на всех наречиях Белого Света.

Входа в Арену пока – ни за плату, ни, тем более, без нее – не было.

– Хорошо, что мы вовремя успели, – довольно выдохнул Иван, соскочил на землю и торопливо схватился за кошелек, отыскивая серебро. – Сколько стоит билет?

Рододендрон посмотрел на него с высоты своего иноходца как на глуповатого ребенка и снисходительно хмыкнул, не спеша перекидывая ногу через круп коня и вальяжно соскальзывая на землю:

– Даже если бы мы приехали на час позже, мы бы не опоздали, ваше высочество. А для вас вход бесплатный. И самые лучшие места, разумеется, тоже.

– Хозяин сего заведения был предупрежден о нашем приезде? – моментально всё понял Ахмет.

– Естественно, ваше величество, – белозубо улыбнулся принц. – Как сказал Бруно Багинотский, сильные мира сего не опаздывают – это все остальные приходят слишком рано.

И он галантно распахнул дверцу экипажа, выпуская Агафона, помогая спуститься Эссельте и Серафиме, ускоряя красноречивым взглядом выход Фикуса и как бы невзначай захлопывая ее перед самым носом Кириана.

– Если бы я был уверен, что он слышал мою эпиграмму, я бы посчитал это комплиментом, – процедил сквозь зубы бард, потирая ушибленные колени.

– Если бы я еще и слышал, что ты тогда выкнул в мой адрес, то участвовать тебе сейчас в схватке с големом, – так же любезно из уголка рта сообщил в ответ сын Тиса.

– Моя госпожа Эссельте, дивная фея красоты и доброты, этого бы не пережила, – ханжески закатил глаза менестрель, и с чувством глубокого удовлетворения пронаблюдал, как краска ярости – или смущения? – бросилась в лицо его новоявленному высочеству.

С трудом удержавшись, чтобы не добить его контрольным «бе-бе-бе», бард обогнул застывшего у кареты принца и присоединился к друзьям, разглядывавшим нарисованных на гладких серых стенах уродливых существ. Безголовая груда каменных мышц на коротеньких кривеньких ножках грозила сутулой железной фигуре со связкой кистеней вместо рук; нечто самоварообразное замахивалось палицей на стального тушканчика с улыбкой саблезубого козлонога...

«Эх, везде нашего брата дурят...» – вздохнул Кириан, с отвращением взирая на неумело, но старательно намалеванную картину. – «Они настоящего голема-то хоть раз видели?.. Деревня... Каменные джунгли... Отказные дети гор...»

Бард считал, что он имел полное право на скепсис и презрение, потому что сам-то он настоящего голема видел. Один раз. Когда был проездом в Шантони в свите Конначты. Голем был сделан из обожженной глины, фигурой и энергичностью походил на столетнего прадеда своего хозяина – Лесли из Лиственки – и умел только рубить деревья и таскать их вместо лошади на лесопилку. Ночью он стоял в сарае, равнодушно пялясь слабо светящимися серым глазками на стену, а утром снова шел за хозяином в лес, ждал, пока тот пометит деревья, которые нужно сегодня свалить, и принимался за дело.

Представить себе драку двух прадедов Лесли без неконтролируемых приступов ржания миннезингер не мог, поэтому торопливо отвернулся, подался вперед и невзначай задел локтем Агафона.

– А, ты уже тут? – глянул на него чародей.

– Я *еще* тут, – туманно намекая на угрозу Рододендрона, трагическим тоном провещал менестрель, но за отсутствием ей свидетелей ни сочувствия, ни понимания не нашел.

– Ну раз мы в сборе, пошли, что ли, – пока менестрель размышлял, стоит ли просветить остальных насчет истории его с принцем противостояния, а заодно исполнить на бис новый шедевр, Олаф мотнул головой в сторону полуприкрытых дверей, из которых торчала коротко стриженная чернявая голова – видимо, билетера, и шагнул вперед.

– Нет. Мы подождем, пока пропустят всех, – загородил ему дорогу Иванушка.

– Не переживай, Иван, за нашим могучим конунгом мы пройдем сквозь них как нитка за иголкой! – успокоил товарища Ахмет.

– Я не поэтому. То, что мы приехали последними, а пройдем первыми, некрасиво.

– А то, что нам мест не останется – красиво?! – возмутился Агафон.

– Постоим, – был непреклонен лукоморец. – Они пришли раньше нас, да еще столько прождали!

– А сколько *мы* ждали этого момента!.. И кстати, нас привезли сюда в последнюю очередь не по нашей вине! – поддержала волшебника Серафима.

– Не надо спорить, ваши достойнейшие величества, потому что всё будет именно так, как вы хотите, – раздался вдруг за их спинами вкрадчивый голос.

– Мы – это кто из нас? – практично уточнила Сенька, оборачиваясь.

– Вы все, – умильно улыбнулся незнакомый атлан. – Я подам команду Вязу начать пускать зрителей прямо сейчас – а когда все они пройдут и разместятся, приглашу пройти ваши величества – места для почетных гостей простолоудины не занимают, это одно из правил моей Арены.

– Вашей? – друзья с интересом взглянули на упитанного, абсолютно лысого атлана с толстым кольцом из усов и бородки вокруг губ – по последней караканской моде.

– Значит, есть и другие правила? – деловито поинтересовался Олаф, и глаза его загадочно блеснули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.